

Василий Кобяков

НАД
ЛЕДНИКОМ
ВОСПОМИНАНИЙ

Василий Кобяков

НАД
ЛЕДНИКОМ
ВОСПОМИНАЙ

ЕКАТЕРИНБУРГ Лицей 2014

ББК 84.3 (2=411.2) 6
К55

Кобяков В. П.

К55 Над ледником воспоминаний: Стихи, песни, заметки /
Сост. М. Сичинава; Предисл. Ю. Поташникова —
Екатеринбург: Гошицкий, 2014. — 272 с.: ил.

ISBN 978-5-98829-043-8

В сборник вошли стихи разных лет Василия Кобякова —
замечательного поэта, учёного, альпиниста —
чье сердце остановилось в горах летом 2012 года;
а также воспоминания его друзей и однокашников.

Редактор Николай Гошицкий

Рисунки Светланы Трофимовой

Обложка и графика Игоря Цаплина

Литературно-художественное издание

Кобяков Василий Петрович

НАД ЛЕДНИКОМ ВОСПОМИНАНИЙ

Подписано в печать 20.02.2014 г. Формат 70×100 ½₃₂.

Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg C.

Печать офсетная.

Усл. печ. листов 8,5. Тираж 200 экз. Заказ № 33

Цена договорная.

ИП Гошицкий, г. Заречный, ул. Комсомольская, 2-13.

ИД «Лисица», Екатеринбург, ул. Новостроя, 1а, оф. 216.

ISBN 978-5-98829-043-8

© Наследники, 2014

© Оформление. Издательство «Гошицкий», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

4	ОН МЫСЛИЛ И ПИСАЛ ВЕРШИННО
7	СТИХИ
207	ПЕСНИ
244	ПРИЛОЖЕНИЯ
245	АЛТАЙСКАЯ ИСТОРИЯ
254	КАК БЫЛА СОЗДАНА ПЕСНЯ «ОГОНЬКИ»
259	ПАМЯТИ ДРУГА
272	НИТОЧКА-ВЕРЕВОЧКА

ОН МЫСЛИЛ И ПИСАЛ ВЕРШИННО

Перефразируя классика («стихи не пишутся — случаются»), можно сказать: поэт не научается — рождается. Василий Кобяков родился поэтом и оставался им всю жизнь: от детсадиковых стульчиков (чтоб все видели) и публикаций в нижнетагильских многотиражках до студенческих агитбригад и самодеятельности, от первой любви, такой горькой и безответной, до любви зрелой и ослепляющей до последнего смертного часа, до последних самопророческих строчек.

Он не боялся жить «шершаво», преодолевать обывательскую мудрость «умный в гору не пойдёт», в 35 лет стал мастером альпинизма, инструктором и спасателем. Он всегда стремился защищать гонимых и слабых. С детства овладел приёмами бокса, выступал в соревнованиях.

Он всегда был патриотом, и в пору ядерного противостояния поступил на «атомный» физтех, работал на оборонных предприятиях, стал автором многих оригинальных разработок.

Он всегда был дотошным и любопытным, и потому стал учёным, исследователем, доктором наук, опубликовал множество статей и патентов.

И всё же, повторю, всю его суть определила, насытила высоким содержанием, заставила жить и мыслить

вершинно, сделала тем, кем он стал и остаётся в нашей памяти, — именно поэзия.

Оценивая стихи Кобякова, я странно чувствую, что их писал высокий профессионал, который специально выработал этот небрежный, угловатый, сыроватый и в то же время глубоко подлинный, идущий прямо от сердца, поэтический стиль. Стиль, расположенный где-то на границе между поэтической прозой и прозаической поэзией. Стиль, когда мастеру «некогда» гладить и прилизывать строчки. Процитирую «себя», более точно отразив то, что сказал выше: «не я пишу, а мною пишет жизнь». Так и здесь: жизнь Кобякова «писала» его стихи.

Пропустив первые ученические опыты, хочется отметить по-настоящему зрелые стихи, посвящённые трём судьбонесущим моментам жизни поэта: первой неразделённой любви («В субботу свадьба... — ты сказала / И отошла вся радость встречи...»), круху первого брака («Ты вытоптала моё сердце / — эту некогда зелёную клумбу...») и началу новой, вечной любви («Ты сказала твёрдо — жизнь начни сначала / Почему ты прежде мне не повстречалась?»).

Дальше, сколько ни читай, — весь контент, всю наполненность лирики Кобякова составляют горы, дети, друзья и жена Медико. Они сливаются воедино, образуя поэтическое пространство горного Кавказа («Этот дом, этот храм я смонтировал сам // На прекрасной планете с названием Баксан»).

Дочитывая стихотворческую часть сборника, читатель невольно привыкает к напевному, лирическому, песенному строю поэзии Кобякова. Неслучайно многие его стихи стали песнями, которые живут и поются до сих пор. И здесь хочется высказать очень важное: вообще все стихи Кобякова, от первого до последнего, — это песни. Он щедр

на рифмы, на интонации, на ритмы, на повторы. Вся его поэзия — песня, да и жизнь тоже, в высоком смысле слова.

С другой стороны, «нехудожественность» гражданской и философской лирики у Кобякова проявляется довольно резко: то ли она ему не по силам, то ли не по стилю, а скорее — не по душе, не по нраву. Человек он не колючий, не ехидный, не злобный.

Предисловие к книжке стихов Кобякова заканчиваю строками о любви двух людей (поэта и его жены) в последний, закатный их жизненный вечер. Они особенно пронзительны в наш циничный век.

Вот они — эти строки.

«Мне хорошо идти с тобою в связке,
Обычай чтить и русский, и кавказский»

«Тебя хотел бы снова покорить...»

«А годы, словно горная река,
Пороги, водопады, перекаты,
И нам былая тяжесть рюкзака
Уже не так подъёмна, как когда-то»

И, наконец:

«Если счастье — только с бою,
Если жить — то лишь с тобою».

В стихотворении «Новый миллениум» поэт, учитывая теорию вероятностей, высказывает убеждение, что «...комплекс атомов Василий Кобяков сумеет в прошлом лице воссоздаться». Не знаю, как насчёт «комплекса атомов», а поэт Василий Кобяков будет жить долго.

Юрий Поташников

СТИХИ

Уральский период 1950-1965

ОТВЕТ «НЕТ!»

Ты ещё не сказала мне «нет»,
Ты ещё выбираешь пути,
Но я чувствую этот ответ.
От него никуда не уйти.
И повеет прохладой могил
С тех страниц, где ответ я прочту,
Будто кто-то жестокий зарыл
В мерзлоту золотую мечту.
Головою до звона пустой
Не пробить отчуждения стену.
Получается ход холостой,
Получается вой на луну.
Я, как пепел пожарища, сед
Обгоревшей любовью душой,
Я приму, как судьбу, твой ответ,
Лишь бы было тебе хорошо.

1950

Нижний Тагил – Харьков

ЗАКРУЖИЛАСЬ ГОЛОВА

Закружилась голова, голова в огне:
Где найти любви слова, новые вполне?
Что б они хоть свысока с неба падали!
Видно их не отыскать, да и надо ли?
Ты любимая моя, свет моих очей,
Пусть летят в твои края сны моих ночей.
Ты судьбы моей звезда, ты мой верный друг,
Я с тобою хоть куда, хоть под твой каблук!

*Апрель 1950
Свердловск*

ВОЗДУШНЫЙ ЗМЕЙ

За провод зацепился змей,
И ветер треплет жалкие останки.
Попробуй улететь сумей,
Когда сломались тоненькие планки.
А тело змея — из газет —
На части рвут воздушные потоки.
Был ветер лучшим из друзей.
Теперь он змею — враг жестокий.

1950

Нижний Тагил

ПЕЛИ ПТИЦЫ

К.Л.

Пели птицы в лесу на закате,
Про любовь пели песню для Кати.
Голоса их стихали, стихали,
И темнели уральские дали.
Что тебя в этот час так манило?
Что за сила была, что за сила?
Знала это луна голубая,
Понимающее улыбаясь.

1952

Свердловск – УПИ

БИСКАЙ

Говорят, что в далёкой Бискайе
Навсегда растревожено море.
Там зловещие волны вскипают,
Ветер грозно их ропоту вторит.
Трудновато приходится людям,
Что туда попадают случайно.
Им последним пристанищем будет
Дна угрюмого мрачная тайна.
Никогда я не видел Бискайи,
Но мы судьбами с нею похожи,
Ведь в душе моей буря такая,
Что по жизни всё рушится тоже.

1952

Свердловск – Нижний Тагил

Я В ЧИТАЛКЕ СИЖУ

Я в читалке сижу, на конспекты гляжу —
Тупо.

Нет спасения от сна, а на воле весна —
Глупо!

За соседним столом со склонённым челом —
Дева.

Ясно даже ежу, я в пикé захожу —
Слева.

К ней такие слова — Нет ли стёрки у вас —
Часом?

— Ничего у нас нет! — Молвит дева в ответ —
Басом.

И, отпрянув стрелой, я угрюмый и злой —
Сяду.

И часов этак пять я долбаю опять —
Кряду.

1953
Свердловск — УПИ

МОЯ РЯБИНУШКА

Какая же ты раскрасавица,
Рябинушка с яркими гроздьями.
Хоть ты не сумела прославиться,
Как пальма под южными звёздами,
Но мне красота твоя строгая
Дороже экзотики вычурной...
То радостью сердце трогает,
То душу мне грустью вычернит.

1953

Нижний Тагил

МАТЕРИ

Снова каникулы. Снова я дома.
Вижу твой облик родной и знакомый.
В этой нехитрой домашней одежде
Ты все такая же, мама, как прежде.
Волны волос под косынкою синей
Чуть приморозил серебряный иней,
Больше морщинок вроде бы стало,
А в остальном изменилась ты мало.
С детства тебя я запомнил такую —
Ни на минуту не знавшей покоя.
Вот и теперь, ты рубашку мне гладишь,
И у тебя столько ласки во взгляде!
Мысли твои по глазам я читаю,
Вижу, о чем ты, родная, мечтаешь,
Вижу, что думаешь ты постоянно,
Будто каким-то великим я стану.
Мама, загадывать надо ль сверх меры?
Буду я самым простым инженером.
Ты ж о своём все мечтаешь упрямо,
Мама, мама, милая мама.

1953

Свердловск – Нижний Тагил

ЛЮБИМАЯ РЯДОМ

Розе С.

Когда над Свердловском стемнеет
И россыпи вспыхнут огней,
Люблю я по скверам, аллеям
Бродить с ненаглядной моей.
Беру направленье любое,
Нет дела до разных погод,
Когда локоть к локтю с тобою
Любимая рядом идёт.
Навстречу весёлые лица,
Ну как не смеяться и нам!
От снега одежда искрится
В цветном освещенье реклам.
Но путь не всегда обеспечен,
И я не пойму, например,
Куда с перекрёстка под вечер
Уходит милиционер.
На это же самое место
Его непременно вернуть,
Чтоб он повелительным жестом
Влюблённым указывал путь.
А впрочем, пожалуй, не надо

Его милицейских услуг,
Была бы любимая рядом —
Надёжный и преданный друг.

1953
Свердловск – УПИ

ДВЕ ДОРОГИ

Л.Ф.

Две дороги мчатся вдаль по родной земле,
Неба синяя эмаль, да простор полей.
Речка лентою блестит ярко-голубой,
Параллельные пути нам даны судьбой.
Мы с тобою разошлись, выйдя за порог.
Пусть дороги — вдаль и ввысь, пусть маршрут далёк,
Будет то, что сам Эвклид предсказать не мог.
Перекрестье предстоит наших двух дорог.
Хоть на самый край земли выпадет идти,
Верю: где-то там, вдали, скрестятся пути.

1953

Свердловск

ДОЖДЬ

Розе С.

Дождь стучится в окна, в двери,
За стеною песнь девичья.
Видно, я напрасно верил
В наш студенческий обычай,
Будто сбросить все печали
Очень просто — крепкой водкой
Или темными ночами
Подвернувшейся красоткой.
Вот и дно в моем стакане,
И ещё раз дно пустое,
Но опять, как на аркане,
Вся тоска моя со мною.
Листья злой срывает ветер,
Веткой голой бьёт в окошко.
Девушка поёт о лете,
С ней забыться хоть немножко?
Нет, сугроб тоски холодной
Не растопят чьи-то губы.
Если сердце не свободно,
Разве эти ласки любы?
Нет надежды, нет надежды,

Что вернётся счастье мая,
Что глаза твои, как прежде,
Поцелуем приласкаю.
Дождь стучится в окна, в двери,
Оборвалась песнь девичья.
Видно, я напрасно верил
В наш студенческий обычай.

1953

Свердловск – УПИ

УТРОМ РАННИМ...

Л.Ф.

Утром ранним и чистым
Хорошо сидеть у окна,
Наблюдать за восходом лучистым,
Ждать, когда же придёт она.
Может быть, ты спокойно спиши,
А может быть, встала давно.
Ты вчерашний день мне простишь?..
Для тебя это все равно...
Я как будто к окну прирос,
А время бежит вперёд.
В голове один вопрос:
Придёт или не придёт?..

1954
Свердловск

ОСЕННЯЯ ПЕСНЬ

Осенний вечер уходил
И небо грустное линяло.
Что будет дальше, впереди?
Хорошего, конечно, мало.
Никчёмным в жизни места нет,
Жизнь — не курорт на взморье южном.
Я, может быть, в душе поэт,
Но это никому не нужно.
Кому нужны мои мечты,
Тончайший трепет чувств и мыслей?
Цветок души моей застыл,
Поблекли листья чувств, повисли.
Приди ж ко мне, моя весна,
Живым лучом на сердце брызни,
И разбуди меня от сна,
Смертельно-тяжостного сна,
Верни меня к счастливой жизни.

*Ноябрь 1954
Свердловск – УПИ*

ТРАМВАЙ ЖИЗНИ

Сегодня маленькому мне нехорошо,
Нет ни тепла, ни ласки, ни приюта.
В трамвае жизни, светлом и большом
Мне не хватило места почему-то.
Я на подножку еле заскочил,
Одной рукой едва успев схватиться,
Но хоть до боли в печени кричи,
Но ни один не хочет потесниться.
Одной рукой держаться нелегко —
Давно уж руки жизнью перебиты...
Трамвай умчится в завтра далеко,
А я останусь, всеми позабытый.
И только те платочкам мне махнут,
Что были рядом — в тамбуре трамвая,
И с облегчением радостно вздохнут,
Ведь в этой жизни так всегда бывает.

*Октябрь 1954
Нижний Тагил*

РЕЗИНОВАЯ ЛИРИКА

Промозглая ночь и сырая,
И чёрная, будто галоша.
Давненько не трогал пера я,
Всё ждал конъюнктуры хорошей.
Всё ждал, что придёт и расскажет
Моя своюенравная лада,
Что любит, скучает и даже...
А большего мне и не надо.

Но что-то неладное с ладой,
Зазналась моя баловница...
Рассвет предвещает прохлада,
Прохлада за ворот струится.
У ночи кромешной — обнова:
Галоша изнанкой наружу.
И день начинается снова,
Как будто он снова мне нужен.

*Апрель 1955
Свердловск*

ЗА СИНИМИ ДАЛЯМИ

Есть за синими далями, за уральскими падями
Та, чьих глаз не видали мы за стеной лесной.
Но я встречусь, друзья мои, с золотистыми прядями
И с глазами упрямymi цвета неба весной.
Где растёшь ты, краса моя, прилетай, лебедь белая.
Для меня ты — та самая золотая звезда,
Чьё сияние нежное жизнь прекрасною сделает,
А всё мутное, прежнее утечёт, как вода.

1955

Свердловск

В СУББОТУ СВАДЬБА

Розе С.

— В субботу свадьба... — ты сказала,
И отошла вся радость встречи.
Вот так отходит от вокзала
Весёлый поезд в хмурый вечер.
Пустеет станция мгновенно,
Лишь бродят куры по перрону,
И затихает постепенно
Ритмичный перестук вагонов.
Какой убогой, сиротливой
Осталась станция пустая...
Я тоже мог бы стать счастливым —
Какая истина простая!

1956
Свердловск

СВЕТОЧ

Мелькнул окурок мимо рта,
Лежит, дымясь, на тропке.
И навалилась темнота
На этот светоч робкий.
Его февраль тушил пургой,
А все равно блистал он,
Но кто-то наступил ногой —
И огонька не стало.

1957
Свердловск

В ФАЙЛАХ ПАМЯТИ

H.K.

В файлах памяти, записанных когда-то,
Много разных жизненных моментов.
Вспоминаем мы по круглым датам
О прекрасных «редких элементах».
И отчётливо на плёнке старой
Облик ваш перед глазами снова:
Милые девчонки — Лиля, Ара
И, конечно, Неля Плыгунова.
Будто время не оставило последствий —
Вы навечно юны и красивы.
Бережём мы от стихийных бедствий
Пухлых папок памяти архивы.

*1960
Свердловск-44*

СТАСО

С. Косолапову

С тобою встретиться хочу через десяток лет.
Тебя похлопать по плечу и сказать: «Стасо, привет!»
Прижать тебя к своей груди, в глаза твои взглянуть,
И на скамейку усадить в аллее где-нибудь.
А в волосах твоих, как сны, набилась седина!
Как жизнь, семейный человек, как дети, как жена?
И ты меня к себе ведёшь в семейный свой уют,
А вечер летний так хорош, и тополя цветут.

Вошли, нас встретила жена, знакомство, шутки, смех.
Она мила, она нежна, ну, словом, лучше всех.
Гудит мажорно пылесос, со шляп глотая пыль,
И вдруг до слуха донеслась: лабают где-то стиль.
Раздался трепетной волной забытый всеми блюз,
Что тут случилось вдруг со мной — и сам не разберусь.
В глазах сиреневый туман несбывшейся мечты,
И как мираж, и как обман — любимые черты.

Вот ты зовёшь меня за стол поднять бокал вина,
И я очнулся, отошёл, как будто ото сна.

Воспоминаний целый ряд про прошлые деньки.
Жена качает головой: «Мои вы старики!..»
А я, забыв, что надо пить, смотрю на вас с женой,
И я счастливым мог бы быть, но жребий мой иной.

1965

Свердловск

Кавказ – Агудзера

1965–1990

ОТВЕТ

Бывает ответ белый,
Как цвет фаты невесты,
Бывает ответ чёрный,
Как ворона крылья в ночи.
Что ж мне с тобой делать,
Если ты снова вместо,
Вместо ответа упорно
Отводишь глаза и молчишь.

Будь же хоть раз смелой,
Стоя на круче горной.
Прыгай ко мне с верой,
В пропасть не улетиши.
Дай мне ответ белый,
Белый не можешь — чёрный.
Только не надо — серый,
Как в сумерках — серая мышь.

*Декабрь 1968
Сухуми – Агудзера*

У МЕТРО

Я стою у метро одиноко,
Не сливаюсь с вечерними толпами.
Город смотрит глазницами окон
Ярко-синими, черными, жёлтыми.
Он рекламой разорван на части,
Он трамвайными стянут орбитами,
Он застроен несчастьем и счастьем,
Он завален сердцами разбитыми.

Я стою, щуря глаз, как в тире,
Невесёлые мысли гоня.
Не хватает на всех в этом мире
Ни любви, ни тепла, ни огня.

Не ходи по сердцам, по осколкам,
Не дави их своими платформами!
Слышишь, лапочка с рыженькой чёлкой
И с бриджитбардовскими формами?
Не бросай в автомат монеты,
А бросайся в мои объятия!
Но рукой помахала не мне ты,
И не мне включишь свет над кроватью.

Я стою, щуря глаз, как в тире,
Невесёлые мысли гоня.
Может, где-то, в какой-то квартире,
Может, солнце зажгут для меня.

1969
Москва

ТЫ ВЫТОПТАЛА...

Нине И.

Ты вытоптала моё сердце —
Эту некогда зелёную клумбу,
Усеянную яркими цветами любви.
Я пригласил тебя насладиться
Ароматом этих цветов,
А ты удобно устроилась в ней вместе с ногами.
И теперь уж не слышно зелёного шёпота трав,
Только шелест пожухлых стеблей
И противное чавканье удаляющихся шагов...
Эрозия почвы...
Эрозия любви...
Эрозия чувств...

1969
Агудзера

ДОЧКЕ

Оле

Память в ночь летит, как неотложка,
Вспомнилось за далью лет и зим,
Как цыплёнка жёлтого в ладошке
Согревал дыханием своим...
Я цыплёнка называл Олёной,
Научил летать и говорить...
И решил цыплёнок несмышлёный
Океан житецкий покорить.
— Не ныряй! Повремени немножко!
В океане — мокрая вода!
Упорхнул цыплёнок из ладошки.
— Ты куда же, доченька, куда?..
Так идёт от Евы и Адама,
Так идёт, и будет так вовек.
Дочка стала женщиной и мамой —
И родился новый человек!

*1974
Агудзера*

ГОРНАЯ ТРОПИНКА

Буквы на бумаге вытоптали строчки.
На тропе осенней жёлтые листочки.
Над бумагой белой я сижу устало.
По тропинке горной ты со мной шагала.
Здесь все перспективы, все авторитеты...
Над тропинкой горной — чистые рассветы,
Чистые рассветы, чистые закаты,
И едва виднелась из-под рюкзака ты.
Буквы на бумаге вытоптали строчки...
На тропе осенней жёлтые листочки...
Ты сказала твёрдо — жизнь начни сначала.
Почему ты прежде мне не повстречалась?

1975
Кавказ

ПЛАНЕТА БАКСАН

Ace K.

На планете Баксан то ли дом, то ли храм,
В нем сосновые стены открыты ветрам.
В этот дом, в этот храм я тебя унесу,
Где течёт, где шумит, где поёт Адыл-су.
Где поёт Адыл-су о рожденьи воды
О любви Джантугана и синей звезды.
О дроблении эха на лезвиях скал
И о сумраке трещин на лбу ледника.

Я наброшу на твёрдые груди горы
Из альпийских цветов расписные ковры.
Мы одни на планете, мы рядом, позволь
Алый парус зари опущу я, Ассоль.
Принесём мы молитву притихшим горам,
И сиреневым светом наполнится храм.
Этот дом, этот храм я смонтировал сам
На прекрасной планете с названьем Баксан.

1975
Кавказ

«КРАСНАЯ СТРЕЛА»

Ace K.

Красных век, серых глаз, губ дрожащих букет,
Звук несказанных слов без игры, без обмана —
Что любовь ещё есть, и что сил больше нет
Мне сказала лица твоего икебана.
Полу-да, полу-нет, полусвет, полумрак,
Вековечный конфликт в кровь из носа избитый.
Может, лучше не так? Может лучше никак?
Может, нам перейти на другие орбиты?

А память вновь лавиною со склона —
Под снегом лёд, а подо льдом скала.
Стартует в ночь с перронного бетона,
Стартует скорый «Красная стрела».

За лекарство любви, за душевный покой
В старину короли отдавали полцарства.
У себя за душой я пошарил рукой,
Но в душе не нашёл я такого лекарства.
Полумрак, полусвет, полу-нет, полу-да...
Улыбнулся в усы проводник бородатый...
Так прощаются, лишь уходя навсегда

В неизвестность, в туманность, в пустоту куда-то.
Для последних секунд мы слова не нашли,
И не стало тебя, и не стало перрона,
И не стало Москвы, и не стало Земли —
Только звёздная пыль за окошком вагона.
Полумрак, полусвет, полу-да, полу-нет...
Мне бы только уснуть, но о сне нет и речи.
Слишком труден вопрос, слишком сложен ответ...
Я опять буду жить ожиданием встречи.

1976

Киев – Москва – Сухуми

Я ЭТИ ГОРЫ...

От друзей я слыхал много раз
Про Памир, про Тянь-Шань, про Кавказ,
Только сам я на вершинах не бывал,
Я эти горы в телевизоре видал.

Умный в гору пешком не пойдёт —
Там, в горах, только снег, только лёд.
Потому я на Памире не бывал,
Я эти горы в телевизоре видал.

Там такие стоят холода,
Не спасёт чувака борода,
Потому я на Тянь-Шане не бывал,
Я эти горы в телевизоре видал.

Нет, друзья, эта жизнь не по мне —
Парни в связках висят на стене.
Потому я на Кавказе не бывал,
Я эти горы в телевизоре видал.

Только что-то по этой весне
Стали горы мне сниться во сне.
На экране видеть горы не хочу,
Я в альплагерь этим летом укачу.

1978
Сухуми – Агудзера

ПИК РОССИЯ

B. Мельнику

Сколько снеди на столе не каменном,
И пора совсем уже другая.
Здесь вино горит закатным пламенем,
И свеча горит спокойно, не мигая.
Чуть нахмурившись, глядишь на пламя ты,
И встают уже слегка в тумане
Белоснежные серáки* памяти
Над открытым ледником воспоминаний.
Перекрыли мир хребты памирские,
Сжаты льдами скальные массивы.
К ним подходы трудные, неблизкие,
И стеной над ними — пик Россия.
Зря стена вас била камнепадами,
Посыпала снежные лавины,
Зря старалась, чтобы вы попадали,
Не дойдя, не дотянувши до вершины.
На вершине солнца жар неистовый
И ветров морозные порывы.
Ты стоишь, в единоборстве выстояв,

* *Serák* — нависший ледяной пик, всегда грозящий обвалом. — Ред.

Ты стоишь вконец усталый и счастливый.
Я не знаю, кем для нас завещано
Вспоминать памирские высоты,
И тоску, глубокую как трещина,
И тревогу в ожиданье вертолёта.
Чуть нахмурившись, глядишь на пламя ты,
И встают уже слегка в тумане
Белоснежные сера́ки памяти
Над открытым ледником воспоминаний.

1979

Памир

ПАМИРО-АЛАЙ

Над пылающей твердью земной
Плавит тусклое золото зной,
И стекает по каплям восток
В Ак-Буры грязно-жёлтый поток.
Перед нами в дорожной пыли
Чуть виднеются горы вдали,
За баранкой шофёр Николай,
Перед нами Памиро-Алай.

Мы оставили сзади, в Оше,
Все ненужное нашей душе —
Мишуре обветшалых идей,
Кретинизм престарелых вождей,
Всё в пыли, все в дорожной пыли,
Чуть виднеются горы вдали,
За баранкой шофёр Николай,
Перед нами Памиро-Алай.

Но с собою нести нам легко,
Кроме наших больших рюкзаков,
Образ тех, с кем дороги свели,
С кем сквозь трудные годы прошли.

Грузовик наш ныряет в пыли,
Чуть виднеются горы вдали,
За баранкой шофёр Николай,
Перед нами Памиро-Алай.

1982

Osh – Памир – Сухуми

ПИК КОММУНИЗМА

Мы на пике Коммунизма, только дует очень.
В это царство неземное был визит наш кратким.
На плато б успеть спуститься до прихода ночи,
Штурмовой снимаем лагерь — две больших палатки.

Ветра рёв перекрывает все другие звуки.
Нам бы засветло к пещере, к нашему ночлегу.
На ветру, при минус десять, коченеют руки,
Не могу свернуть палатку, волоку по снегу.

Все ушли, но ты догонишь — молча повторяю,
Сквозь метельные порывы, вниз — твоя дорога.
Спусковых следов цепочку в сумраке теряю,
И в сознании очень смутном — чёрная тревога.

И чутьём почти звериным и почти на ощупь
След почти что заметённый снова нахожу я.
Ну, теперь бороться с ночью стало чуть попроще,
Хоть свою судьбу ташу я, как судьбу чужую.

Мнится мне — во тьме кромешной звёздочка мелькает,
Я зову, и возвратилась в жизнь земную вера.
И в меня с горячим чаем снова жизнь втекает,
Я в раю — не рай ли эта снежная пещера!

О высотных ощущеньях, это мне известно,
Вам восторженно расскажут, даже пропоют, но,
Коль меня об этом спросят, я признаюсь честно:
Быть на пике Коммунизма — очень неуютно.

1982

Памир

Подмосковье – Черноголовка 1991–2012

ДРУГУ

Накрытый стол, как в прежние года —
Не зря моя подруга колдовала.
Я друга жду, я жду, как никогда,
Не поднимая первого бокала.
Как откровенно говорил поэт,
Познавши одиноких будней муку:
— Печален я, со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку.
Познать судьбы таинственную власть,
И дверь открыть к неведомому сроку,
Обнять его и к памяти припасть,
Прижав к щеке щетинистую щеку.
Стряхнуть бы пыль и тяжесть этих лет,
Пожать бы неслабеющую руку...
Печален я, со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку.

*Сентябрь 1993
Черноголовка*

Я ШЁЛ УПРЯМО

Я шёл упрямо в гору —
Маршрут привёл в ущелье.
Я плыл рекой стремительной,
В песках её теряя.
Мы дружно пели хором,
Мы громко гимны пели,
Мы строили обитель, но...
Не добрались до рая.
Я ногу вставил в стремя —
Но выездки не будет:
Конь на ногах протезных,
Хоть статью и безгрешный.
И вытекает время
Из дыроватых судеб,
Как кровь из вен надрезанных —
Бесшумно и неспешно.

1994
Черноголовка

ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ

Русико

Этим днём в природе что могло случиться?
То ль зима уходит, то ль весна стучится?
Места от волненья у Маруси нет —
Нынче день рожденья, восемнадцать лет!
Детство отсмеялось черноморским летом.
Что ушло — осталось, не забудь об этом.
Не грусти родная, наш тебе совет —
В жизни раз бывает восемнадцать лет!
Юности дороги замели метели.
Школьные тревоги мимо пролетели.
Мы с тобой, Маруся, им помашем вслед.
Радость вместе с грустью — восемнадцать лет!
Пусть зажгутся свечи — прожитые годы.
Будут снова встречи, радости, невзгоды.
Тучи распахнутся, вновь придёт рассвет,
Только не вернутся восемнадцать лет!

1996
Черноголовка

ПОЧТИ ПО ОКУДЖАВЕ

Пока земля ещё вертится, пока род людской не заchaх,
Пока ещё можно встретиться с людьми со звездой в очах.
В русской судьбе херовской, юродивых и царей,
Был Серафим Саровский, Сахаров был Андрей.
В тихой Саровской пустыни пересеклись их пути,
Только простыми чувствами этих людей не свести.
Их разделило время, их разделил уран,
Но проросло их семя сквозь вековой бурьян.
Оба грешны, как все мы, оба прозрели не вдруг.
Мучили их проблемы горя людского вокруг.
Разной была тревога, но вера была одна.
Было дано им Богом чашу испить до дна.
Пока Земля не закована в серую мглу ледников.
Пока нам всего, что даровано, хватает во веки веков.
Бога за нас просили и Серафим, и Андрей —
В муках рожать России новых своих сыновей.

1996

Саров – Черноголовка

НОВЫЕ БЕДНЫЕ

Мы в совковой росли экономике,
Мы — пройдохи, деляги, мошенники.
Мы — закона совкового пленники —
Раньше жили, как скрытые гномики.

Мы теперь бизнесмены известные,
Мы — элита, Россию сосущая.
Для кого она мачеха злая,
А для нас она мама небесная.

Что нам суперотели французские?
Что нам виллы швейцарские личные?
Мы за все это скинем наличные,
Потому что мы — новые русские.

Мы Советским Союзом рождённые,
Мы — врачи, педагоги, учёные,
Генофондом страны наречённые
И мутантами стать принуждённые.

На душе все слова неприличные,
Зададим мы задачку историкам:
Стариков — на «почётного» дворника,
Молодых — на хлеба заграничные.

Жить в России — условия вредные,
Сбережения «гавкнули» личные,
Прокормиться бы были наличные,
Потому что мы — новые бедные.

1996

Черноголовка

ВЫШЛИ КОРАБЛИ

Сыну Петру

Вышли корабли в морские дали —
Было так задумано Петром.
Дерзкие мечты, что явью стали,
Он творил пером и топором.
Лень бояр и черни пьянь осилив,
К удивлению европейских стран,
Вывел он большой корабль — Россию —
С мелководья в бурный океан.
Ты — мой Пётр! Но не из той породы,
Что в наследство получают власть!
Будут на маршруте непогоды,
Будет, где споткнуться и упасть.
Но я верю — ты дойдёшь до цели,
Есть мечты не только у царей.
Свой корабль ты снял со школьной мели
И направил на простор морей.

1997

Черноголовка

МЫ ЖИВЁМ ВЗАПЕРТИ

Мы живём взаперти у житейских забот.
Мы с тобою, мой друг, в состоянии вечного бега.
Нам бы в горы уйти, за крутой поворот,
Оказаться бы вдруг среди скал, среди синего снега!

Где хребтов океан, как гранитный мираж.
Где в палатке ребят угощаю я утренним чаем...
Но все чаще туман застилает пейзаж.
И все чаще тебя, лишь тебя я во мгле различаю.

Обо всем позабыть, что осталось за мной.
Жаром стынуть в золе. Сбросить суэтных дум обороты.
Но уверенным быть, уходя в мир иной,
Что ты есть на земле и что дети мои — не сироты.

*1998
Черноголовка*

СУДЬБА МОЯ

Mоей Меди

Я о чём шепчусь с судьбою,
Я о чём её прошу?

Мне не надо — голубое,
Мне не надо — золотое,
Мне не надо — расписаное,
Это я не выношу.

Я о чём шепчусь с судьбою,
Я о чём её прошу?

Если дождик — то с грозою,
Если солнце — с жарким зноем,
Если море — то с прибоем,
Я судьбе рукой машу.

Я о чём шепчусь с судьбою,
Я о чём её прошу?

Если радость — то до боли,
Если счастье — только с боем,
Если жить — то лишь с тобою,
Так с судьбою порешу.

1998

Черноголовка

ТЕБЯ ХОТЕЛ БЫ СНОВА ПОКОРИТЬ

Тебя хотел бы снова покорить,
Как горную вершину в непогоду,
Закаты и рассветы подарить,
Да только жаль, что не пускают годы.
А годы, словно горная река,
Пороги, водопады, перекаты.
И нам большая тяжесть рюкзака
Уже не так подъёмна, как когда-то.

Судьбу не обхитрить, не задурить,
Снег не слепить, когда он весь растает,
С ушедшими другом поздно говорить,
Ушедших дней никто не наверстает.
Редеют наши плотные ряды,
Как после грозового камнепада,
Но мы прорвёмся до большой воды,
Хоть нас не ждут ни слава, ни награда.

Я мог бы все, что хочешь, сотворить,
Насыпать ярких звёзд тебе в ладошку.
Я мог бы вновь тебя уговорить,
Вот только мне помолодеть немножко.

1998
Черноголовка

ЗАДАЧИ СВС*

Инне Б.

Бывает, что случится, бывает, что не раз,
Когда тепло лучится сквозь ясность карих глаз.
Двум карим океанам поверить не спеши,
В них тонут постоянно эмоции души.
В глазах — прощанье встречам, в глазах твоих — обман,
Когда горят, как свечи, сквозь золотой туман.
В глазах твоих — немилость, в глазах твоих — беда,
Когда они покрылись холодной коркой льда.
В глазах твоих горячих — мыслительный процесс,
Ещё не все задачи сгорели в СВС.
В глазах огонь искрится, вот-вот сорвет чеку —
Бенгальская тигрица готовится к прыжку.
Бывает, что случится, бывает, что не раз,
Но время мимо мчится и с нами и без нас.

*Август 1999
Черноголовка*

* СВС — самораспространяющийся
высокотемпературный синтез. — Ред.

ПАМЯТИ ВАЛЕРИЯ МАЛЬЦЕВА

Помню, Гарваш переполнился чёрной пургою,
На Уллу-Тау по гребню удариł разряд.
Ты приказал нам с маршрута вернуться без боя.
Ты приказал нам живыми вернуться назад.
А через месяц — недобрые вести с Памира.
В лицах ребят темно-серая мгла залегла.
Сникла команда, в бою потеряв командира,
И возродиться команда уже не смогла.
Чувств не ищи у заснеженных стен Корженевы*.
Тайны её вековые неведомы мне.
Синие льды, никогда не расскажете мне вы,
Что же случилось на этой проклятой стене.
Тучи потоками вниз пролились дождевыми,
Отгромыхав, отступила за гребень гроза.
Ты наказал нам всегда возвращаться живыми,
Что же ты сам-то не сделал все так, как сказал?

Январь 1999
Черноголовка

* То есть на Пике Корженевской — одном из пяти «семитысячников» бывшего СССР (выс. 7105 м). — Ред.

ТЫ СНОВА УШЕЛ...

Сыну

Ты снова ушёл на ночные планеты,
Забыв размотать путеводную нить.
Сынок! Ни словцом не обмолвился мне ты
И маме с планет не сумел позвонить.
Всю ночь, заряжаясь тревожным зарядом,
Она крест свой тяжёлый готова нести,
И встретив сыночка рентгеновским взглядом,
Готова тебя в одночасье простить.
В сердечке у мамы — будильник упрямый.
Умолкнет будильник — не вечен завод.
Никто, кроме мамы, единственной мамы,
Петичечкой Петечку не назовёт.
О венчом мы в юности думаем редко,
В далёком тумане судьбы этажи.
Я верю, что будешь ты чтить своих предков,
Но мамой сейчас успевай дорожить!

*13 декабря 1999
Черноголовка*

С ТОБОЮ В СВЯЗКЕ

Пройдёт сто лет, и двести лет, и триста,
Как эти шестьдесят — предельно быстро.
И что потомкам нашим вспоминать?
Что по любви женились бабка с дедом,
Что русский след совпал с грузинским следом —
Судьбы игра! Игра, но не вина!

Мне хорошо идти с тобою в связке,
Обычай чтить и русский, и кавказский,
Хоть наш маршрут и крут, и напряжён.
В сугробах быта, в хвори, на пиру ли
Ты рядом, генацвале, сикварули*.
Что может быть надёжней верных жён?

Ты иногда не можешь спать ночами,
Пронзая сумрак мыслями-свечами,
Тревожных дум страницы вороша.
Не важно, что полвека за плечами,
А важно, что за карими очами
Стоит, как прежде, юная душа.

1999

Черноголовка

* Генацвале, сикварули (груз.) — дорогая, любимая. — Авт.

ОСЕНЬ

Осени холод тосклив,
Жалобен ветра напев.
Начался жизни отлив,
Озими белой посев.
Огненно-жёлтый наряд
Ветер срывает с берёз,
И на душе — листопад
Чувств пожелтевших и грёз.
Мысли острее ножа,
Мысли — и те и не те.
Вижу — берёзки дрожат
В белой своей наготе.
Знать, уже близко зима,
Близок мертвяющий мороз,
Но не схожу я с ума
И не давлюсь я от слез.
Зелень вернётся весной,
Талая схлынет вода.
Что без меня, что со мной,
Жизнь — продолжайся всегда!

*Октябрь 1999
Черноголовка*

ЗДРАВСТВУЙ, МАМА

Вот и снова меня обступил мой Урал
Горизонтом гористым, туманным.
Я его променял, от него я удрал,
Я теперь как турист иностранный.

Будто водки стакан, будто общий наркоз,
Будто ввысь я лечу, будто в яму.
Поднимусь на шихан, на гранитный утёс,
И тебе прошепчу: «Здравствуй, мама!»

Троп лесных удила закушу, как скакун,
И стреножусь в бору за Тагилом.
Ты берёзкой была на своем, на веку.
Я, склонившись, замру у могилы.

Запах ягод лесных, как медовый настой.
Память ясно горит свечкой тонкой.
И стоят три сосны над могильной плитой
У Пихтовой горы под Вагонкой*.

*Ноябрь 1999
Черноголовка*

* Дзержинский район в Нижнем Тагиле,
где расположен Уралвагонзавод. — Авт.

ТЕБЕ Я ИМЯ ДЕДА ДАЛ

Тебе я имя деда дал,
Кольцо имён замкнув потуже.
Наш род — надёжный пьедестал,
Наш род бесчестьем не контужен.
На перепутье лет лихих
Мужали предки на Урале,
Вживляли прозу и стихи
Потомству в генные скрижали.
Кавказских предков гордый нрав
В твоей крови — приток немалый.
Наш род крепчал, в себя вобрав,
Нравы Кавказа и Урала.
Семья — едина, род — един,
Мы вместе многое осилим.
Когда же твой родится сын,
Ты назовёшь его *Василий*.
Пусть катит вдаль кольцо имён
Через любые лихолетья.
Когда-нибудь иных времён
Дождутся *Вася* или *Петя*.

*Декабрь 1999
Черноголовка*

СНЕГ НА РЯБИНЕ

В экране мерцающем сна
На тонком запястье — рубины,
И тёплой руки белизна,
И снег запорошил рябины.
Спустились с вершин облака
И стали на горы похожи.
Вписался тревожный закат
В блестящий атлас белой кожи.
Рубиново-красный браслет
В тончайшей резьбы позолоте.
Лечу (почему бы и нет?)
С тобой на ковре-самолёте.
Вдогонку пустился за мной
Дымок над дощатою крышей.
И осень сменилась зимой
На полкилометра повыше.
Рябин красногруды кусты,
Снежком припечатаны грозди.
И дали, как мысли, чисты,
И мысли прозрачны, как воздух.
Тропы каменистой изгиб,
Крутой и никем не мощёный.
Моренных обветренных глыб

Развал, сквозь туман освещённый.
И белый заснеженный склон,
И красное солнце заката,
И сердца малиновый звон,
И бурных потоков стаккато.
В экране мерцающем сна
На тонком запястье — рубины,
И тёплой руки белизна,
И снег запорошил рябины.

*Ноябрь 2000
Черноголовка*

ЕЩЁ НЕ ВЕЧЕР

Серёже Новикову

Милый друг наш, свет-Серёжа,
Мы в строю, не на погосте.
Постарели, ну так что же,
Мы твои сегодня гости.

К этой пристани причалим
И пожмём друг другу руки.
Жизнь — не повод для печали,
Смерть — не повод для разлуки.

Жизни шумное застолье,
Встреч крутая заваруха.
Ты траву на нашем поле
Не спеши косить, Старуха!

Если кто-то где-то скажет:
«Кончен бал, тушите свечи,
Разбирайте экипажи»,
Я скажу — ещё не вечер!

Нашей дружбе возраст славный — «за полвека» за плечами.
А ведь вроде бы недавно находились мы в Начале.
Взрывпакет духовной пищи нам оставил Руставели:
«Кто друзей себе не ищет, враг себе на самом деле».
Будем белым, красным, синим! Разве мы не цвет державы?

Взявшись за руки, не сгинем, говорил нам Окуджава.
Наш союз, друзья, прекрасен, как сказал Поэт поэтов.
Повторил за ним ваш Вася и поднял бокал за это!

*Mai 2000
Москва*

ЗАКОНЫ УСКОРЕНИЯ

Эпохами в праокеане
Варганился биобульон.
Не вдруг появились земляне,
И разум не вдруг был включён.
С тех пор все отвесней ступени
К вершинам, где раньше был бог.
Брываемся мы без стеснений
В священный небесный чертог.
Замедлено жизни начало,
Но детям присуще мечтать:
Скорее бы юность настала,
Скорее бы взрослыми стать!
Спектакль чуть успеет начаться —
Все больше в нем действует лиц,
Меняется фон декораций,
Квартир, городов и столиц.
Проносятся сцена за сценой,
Годам ускоряется счёт.
Как будто миры во вселенной:
Чем дальше — быстрее разлёт.
А рядом со скоростью света
Сюжет все острей и острей.
Уж близко развязка сюжета,

А время летит все быстрей.
От дел голова забалдела,
И мыслей круты виражи...
Так много осталось доделать!
Так мало осталось дожить!

*2000
Черноголовка*

СУХУМИ

Сухуми, ты мой город неродной,
Но ты впервые мне открыл морские дали.
И в зимний шторм, и в летний зной
В твоей стихии водяной
До горизонта мы едва ль не доплывали.

Сухуми, ты мой город неродной,
Но здесь узнал я вкус купат и хачапури.*
Здесь запах кофе неземной
Над всей абхазской стороной
Струился в воздухе от Псоу до Ингури.

Сухуми, ты мой город неродной,
Но ты зелёный круглый год и очень яркий.
Лихой бригадой заводной
От институтской проходной
Мы часто шли ко мне домой испить мачарки.**

Сухуми, ты мой город неродной,
Но как в окрестностях твоих прекрасны горы.
Почти что каждый выходной,
Пусть даже в дождик проливной,
Мы выезжали на высот твоих просторы.

* Купаты, хачапури – кавказские блюда. — Авт.

** Мачари – молодое вино. — Авт.

Сухуми, ты мой город неродной,
Но породнились мы с тобой за четверть века.
Я здесь грузиночке одной,
Что стала другом и женой,
О нежных чувствах, о любви прокукаrekал.

Сухуми, ты мой город неродной,
Но родились здесь друг за другом наши дети.
Сошлись на мысли мы одной —
Хоть обойди весь шар земной,
Таких красот ты не найдёшь на белом свете.

Сухуми, ты мой город неродной,
Но я стремлюсь к тебе и не могу иначе.
Хоть разбросало нас войной,
Но друг за друга мы стеной,
И наша дружба крепче самой крепкой чачи! *

*Ноябрь 2000
Черноголовка*

* Чача — виноградная водка. — Авт.

ТОЙ, ЧТО НА ЗЕМЛЕ

Знаешь ли ты, как в лунной ночи
В кратерах бродит мгла,
Знаешь ли ты, как небо молчит,
Как леденеет скала.

Только лунная ночь.
Скоро ль придёт рассвет?
Кто мне сможет помочь,
Если тебя здесь нет?

Знаешь ли ты, я вижу — вдали
Мчится твоя Земля.
Где-то бушуют не феврали,
Где-то цветут поля.

Знаешь ли ты, средь лунных скал
Счастье бы мы нашли.
Имя твоё Земле я кричал,
Эхо я ждал от Земли.

2000
Черноголовка

К ВОПРОСУ О РОССИЙСКОМ ГИМНЕ

Чем вы, гости, торг ведёте
И куда теперь плывёте?

Сброшен с плеч ненужный груз — нерушимый наш Союз,
А в наследство от отцов нам осталось пальтецо.
То ль шинель, а то ли шуба, изготовленная грубо,
На фасон — ни то, ни это, краснозвёздного расцвета,
Серп и молот, как приманка, и разбитая шарманка.
В ней средь гулкой тишины две мелодии слышны,
Как с заезженной пластинки — Александрова и Глинки.
Стал наследник выбирать, брать наследство иль не брать?
Стал он кликать Госсовет, может, дельный даст совет:
«Эй, сенаторы-бояре, отвечайте Государю,
Дольше некуда терпеть — мне какую песню петь?
Скоро, братцы, Новый год, и народ нас не поймёт!»
Тут сенаторы в ответ: «Глинка — гений, спору нет...
Александров нам милее, да и гимн его алее!»
И наследник дал приказ: «Раз таков народа глас,
Пусть позору на весь свет, принимаю ваш совет,
Хоть слегка он невменяем. Заодно мы поменяем,
Раз такие тут дела, серп и молот — на орла!»
Есть ещё одна подлянка, в чем завёрнута шарманка:
Звук и текст — в одном лице. Кровь на этом пальтеце,
Кровь расстрелянных отцов по приказу подлецов.

Посоветовавшись, бояре отвечают Государю:
«Нам, что поле квантовать, что пальтишко лицевать.
Будет шубка в лучшем роде, во саду ли, в огороде.
Что народу горевать, приоденем... нашу мать!»
Длится эта дребедень уж который божий день!
Толку будет тут едва ли — шубу дважды лицевали.
Сколько поле ни квантуй, все равно получишь... нуль.

Декабрь 2000

Черноголовка

НОВЫЙ МИЛЛЕНИУМ

Мы — люди, мы — хозяева Земли,
Рабы страсти, рабы любви, надежды, веры.
Вот мы еще один миллениум прошли
С рождения в хлеве христианской Новой эры.
Мы столько зла несли с собой, в своей груди,
Мы столько в жизни совершили черных действий,
Хоть повторяли — не убей, не укради,
Не сотвори кумира, не прелюбодействуй.

Хочу, чтоб в новой, третьей тысяче годов
В пути светили только истины святые,
И в тексте жизни чтобы каждый был готов
Расставить вместо многоточий запятые.
Чтоб каждый жил, пока себе не надоест,
Пока в мозгах светло и близок локоть друга.
А если что, уйдём совсем, на Эверест,
Иль сгинем в тундре где-то за Полярным кругом.

Чтоб комплекс атомов «Василий Кобяков»
Природа в свой большой загашник возвратила
Не через жадные желудки червяков —
Через огней испепеляющих горнило.
Свободных атомов моё тепло
Минует вечность, разложенiem не затронув,
Коли до плазмы наше дело не дошло
И не пришиб из-за угла пучок нейтронов.

Быть может, снова через тысячи веков
И миллионы всевозможных инкарнаций
Мой комплекс атомов «Василий Кобяков»
Сумеет снова в прежнем лице воссоздаться.
И снова сам себе ногой на плечи встав,
Опять увижу твой корабль на горизонте.
А ты мне снова скажешь: «Вася, ты не прав,
Ты позабыл часы, ключи, очки и зонтик».

*Ноябрь 2000
Москва – Черноголовка*

БУТОНЫ ЛЕТ...

Русико

Бутоны лет прорвав, прошла твоя весна.
Природа не даёт обратного билета.
Но жизни крутизна пока что не видна,
Ты думаешь — весна, а наступило лето.
Забыта уж давно девчоночья кровать,
Ты не котёнок — шустренькая кошка.
Не надобно тебе на цыпочки вставать,
Что б посмотреть на мир в открытое окошко.
Вовсю шумят листвой леса — твои года,
Их листья и цветы — узор июльских кружев.
Но кажется тебе, что годы никогда
Не тронут чувств твоих и мыслей не закружат.
Но только, вот беда, и было так всегда —
Осенняя пора заменит это лето.
Вот только бы леса, леса — твои года,
Вот только б отцвели они не пустоцветом.

*Февраль 2001
Черноголовка*

АПРЕЛЬ

Всё голое — земля, вода, деревья,
Нет ярких красок, не контрастен цвет.
Стою, глаза в пространство уперев, я
И понимаю, что пространства нет.
Что мир живёт по замыслу Евклида,
Как шахматное поле без фигур,
Как в тусклом небе бледный след болида,
Как вмазанный в краюшку конфитюр.

А это значит — вечный в мире вечер,
И серый мрак, и мёртвая вода,
И невозможна параллельных встреча,
Ни через час, ни завтра — никогда.
В двухмерном мире мысль ничто не стоит.
Но что-то в мире сдвинулось слегка —
Сработал солнца сверхгиперболоид,
Пробил лучом сплошные облака.

Все то, что мнилось, все переменилось,
Весна явилась, как ладонь, близка.
И даже воробыи, скажи на милость,
Всерёз решились лужу расплескать.

И мягкой революцией по-чешски
Вернулись миру цвет, объем и речь.
Нет, прав был не Евклид, а Лобачевский:
В пространстве — перекрёсток наших встреч.

Март 2001
Черноголовка

НУДИСТСКИЙ ПЛЯЖ

Мы в Понизовке, в трёх шагах от моря,
Среди наукой тронутых людей.
Закончат регистрацию, и вскоре
Мы — в мире новых истин и идей.
В кругу событий малоинтересных
Одну я часто вспоминаю блажь —
Из достопримечательностей местных
Всегда доступный всем нудистский пляж.
Та любопытства блажь тропой проляжет
Туда, где все в чем мама родила,
В заскальном мире спрятанного пляжа
На голой гальке — голые тела.
Лениво сбросив край покрова пенный,
Прибой прибрежной галькою сверкал,
Усилив яркость солнечной вселенной
Сияньем многотысячных зеркал.
А что из пены вышло, погляди ты!
Но сколько ты в надежде не гляди,
Бредут с обвислым бюстом Афродиты
В компании жопастых Афродит.
Какой тут был контраст с морским простором!
Виденьем этим был я поражён
И тут же вспомнил наш почтенный форум

Со стареньkim научным багажом.
...С тех пор, конечно, многое — в тумане,
Но мысль ясна всегда одна и та же:
Как все-таки похож такой «багаж»:
Научный форум и нудистский пляж.

*Апрель 2001
Ялта – Москва,*

ТАЛИСМАН

*Посвящается юбилею
А.Г.Мержанова*

Мы шли за долей лучшею,
Кто за счастливым случаем
Из разных мест да разных стран,
Связав проблемы личные
И замыслы научные
С тобой, наш талисман —
ИСМАН*.

Настало время горькое,
Страна пошла за Борькою,
Рассеялись надежды, как туман.
Мы стали обречёнными
Российскими учёными
С тобой, наш талисман —
ИСМАН.

Кто занялся коммерцией,
Кто в Турции, кто в Греции,
А кое-кто уплыл за океан.

* ИСМАН — академический институт
в Черноголовке. — Ред.

Остались только самые —
Мы с папою и с мамою*
С тобой, наш талисман —
ИСМАН.
Но времена меняются,
Россия выпрямляется,
Как будто — не оптический обман.
И под научным знаменем
Горим мы твёрдым пламенем,
Чтоб жил наш талисман —
ИСМАН.

*2001
Черноголовка*

* «...С папою и с мамою...» — имеются в виду
академик А. Мержанов и д.х.н. И. Боровинская,
стоявшие у истоков создания ИСМАН. — Ред.

ПЕСНЯ ВЛЮБЛЁННОЙ

Пляжи Мюссеры* укрыла мгла,
Сонно шуршит прибой.
Южная ночь на костёр легла
Нашей любви с тобой.
Тихо гитара звучит в ночи,
Тихо друзья поют.
В сердце моем для тебя звучит
Песнь про любовь мою.

Гор купола тебя манят,
Влекут распятия льдин.
Есть только ты один у меня,
Только лишь ты один.

Близко склонилось твоё лицо,
Звёзды в твоих глазах,
Стисну объятий своих кольцо,
Не отпуши назад.
В звёздный мерцающий окоём
Грешной мечтой врастём
И улетим мы с тобой вдвоём
Млечным ночным путём.

1999-2002
Черноголовка

* *Мюссера* – посёлок недалеко от Пицунды
(Абхазия) — Ред.

МОЕМУ ДОРОГОМУ СОЛДАТУ

Особый смысл в солдатском дне рожденья,
Вдали от дома, от своей родни.
Ты там, на очень сложном восхожденье,
Мы — дома, ждём, отсчитывая дни.
Будь верен, как в горах, закону дружбы!
Я пожелать от всей души хочу —
Пусть этот груз тяжёлой ратной службы
Тебе, сынок, придётся по плечу.
Ищи в любом задании — экзамен,
Простое — в сложном, сложное — в простом.
Ты — Пётр, и будь как самый крепкий камень.
И возвращайся, воин, со щитом!

2002
Черноголовка – Кубинка

БУДЕМ ВЕРИТЬ

Я жизнь пообещал тебе, мой друг любимый,
В наряде белоснежном и цветном.
Но даже сообща пока что не смогли мы
Сплести с таким узором полотно.
Уходят поезда... стою, не беспокоясь,
Как будто догоню их без труда.
Я вышел опоздать на тот, последний поезд
Маршрутом из куда-то в никуда.

То забытье, то шок, то с песней, то со стоном.
Нам каждый шаг — канкан или капкан.
Откуда запашок? Так пахнет ацетоном
Дешёвой водки налитый стакан.
Не вылечить врачу поехавшую крышу.
И на хрена нам с хреном пахлава^{*}?
С надеждой я кричу Мальчишу-Кибальчишу,
Да жаль, что звуки глушит тринтрава.

Но ты не говори, что ничему не веришь,
Давай мы будем верить — ни во что.
Замочек на двери — найдём другие двери.
Ты будешь — калбатоно, я — кинто^{**}.

* Пахлава — восточное печенье. — Авт.

** Калбатоно, кинто (груз.) — госпожа, служа. — Авт.

С тобой плечо к плечу, и счастья нету выше,
Желаньем вновь кружится голова.

Я мысленно шепчу, и ты во сне услышишь
Невысказанной нежности слова.

Сентябрь 2002

Черноголовка

МОЯ КНЯЖНА

Я шёл крутыми тропами, чтоб встретиться с тобой,
По Азиям с Европами, куда несло судьбой.
Я шёл дорогой длинною на юг и на восток,
Нашёл я над долиною таинственный цветок.

Княжна моя, княжна моя, грузинская княжна,
Стройна и чернобрюха, как воздух, мне нужна.
Княжна моя, княжна моя, грузинская княжна,
Со мною ты сурова, со мною ты нежна!

И как судьбой намечено, а может, вопреки,
Мне робко и доверчиво раскрылись лепестки.
И пусть ещё отвеснее тропинка впереди,
Иду по жизни с песнею, с цветком в своей груди.

2002

Черноголовка

МОИ КРУТЫЕ ГОДЫ

Семидесятилетие, перед тобой в ответе я,
Чем жил, о чём мечталось, что сталоось, что осталось.
Какими шёл дорогами, какими плыл порогами,
Где ясно, где ненастно, а где совсем напрасно.

Ещё в просторах Родины не все дороги пройдены,
Манят, взметнувшись в небо, вершины, где я не был.
Но ночи стали длинными, покрылись лужи льдинами,
Мои крутые годы осенней ждут погоды.

Да, осень приближается, и круг друзей сужается.
Растим мыadenомы, почти не пьём вино мы.
Тут ясно без гадания — начало увядания,
То язвы, то гастриты, то просто простатиты.

Вот только что вчера ешё весны гудел пожарище.
Так неужели старость тихонечко подкралась?
Душа моя мытарится, душа моя не старится,
Мой разум мыслит ясно, а на дворе — ненастно.

2002
Черноголовка

РУБЕЖИ

Рубежи, рубежи, рубежи
Манят нас васильками во ржи.
Горизонтом чарует нас даль,
Заставляя давить на педаль.

Велотрека круты виражи,
Сколько их, отмеряющих жизнь?
Только май был, и снова февраль,
Жаль что трека кольцо — не спираль.

Наших будущих лет этажи,
Как в пустыне — озёр миражи.
Доползёшь до барханной гряды,
А в озёрах — ни капли воды.

Жизнь бежит, ты тужи, ни тужи.
Режут жизнь рубежи, как ножи,
Режут жизни пирог без затей —
Сколько там остаётся ломтей?

День вчерашний узлом не вяжи,
Он от нас никуда не сбежит.
С ним ещё чуть поднимешься ты,
Чтоб на мир поглядеть с высоты.

Каждым часом умей дорожить,
Торопись и любить, и дружить.
Сколько нам остаётся бежать
До того — рубежей рубежей?

Рубежи, рубежи, рубежи,
Что ещё не сказалось — скажи.
И тогда, после жизни уже,
Ты взойдёшь за рубеж рубежей.

Декабрь 2002 — январь 2003
Черноголовка

ДОЧЕРИ

Русико

В глазах твоих поблескивает жар
Расплавленного солнцем шоколада.
Своей судьбы ты крутанула шар
Иди за ним — до рая иль до ада.
Да не ропщи, не торопи судьбу,
Взойдут цветы сквозь комья почвы чёрной,
Печали дымом улетят в трубу,
Блеснёт удача льдом на круче горной.
Эмоций ввысь взметнувшийся пожар
Горючею слезой тушить не надо.
В глазах твоих пусть светит тёплый жар
Расплавленного солнцем шоколада.

2003

Черноголовка

ПАРАДОКСЫ БЫТА

Росой упал туман, открыв, что было скрыто.
Все дальше от меня инфантилизм юнца,
И не игру ума, а парадоксы быта
Так хочется понять, хотя б не до конца.

Мы вышли в неглиже — свободу попугаем!
А своему уму мы жмём на тормоза.
Все доводы мужей мы с ходу отвергаем,
Поверив враз тому, что кто-то там сказал.

Мы здесь, не за межой, живём в одном загоне.
В аду или в раю один нас жжёт огонь.
Не терпим мы чужой, не самой вонькой вони.
Не чуем мы свою убойной силы вонь.

Росой упал туман, открыв, что было скрыто.
И на веку моем тех тайн — не перечесть.
Неведом, как Грумант*, мир парадоксов быта.
И таинство сие вельми велико есть.

*Ноябрь 2003
Черноголовка*

*Грумант — поморское название арх. Шпицберген. — Ред.

ХУДОЖНИК

Алику Семенцову

Художником назначить — невозможно,
Будь живописец ты иль музыкант.
Художником тогда лишь стать несложно,
Когда от бога дан тебе талант.

Маэстро — жизнь, а человек — натурщик.
Маэстро лепит то, что есть внутри.
Кто пред тобой — художник иль халтурщик,
Ты сам смотри, мой друг, ты сам смотри.

Смотрю твои картины, как впервые.
Переставлять полотна не спеши!
Картины — это окна смотровые
В секретное КБ твоей души.

Мы в спорах, безнадёжно обалделых,
Себе противоречили не раз,
Абхазскую вкушая изабеллу
Из неудобных антикварных ваз.

Как мягкой кистью сделать жёсткий профиль,
Как линией характер передать,
Как краской рассказать о катастрофе,
Которую ты смог предугадать.

Твоей души чуть створка приоткрыта —
И хлещет чувств широкая река.
Приподнимают нас над топью быта
Твой верный глаз и твёрдая рука.

Но никогда ты избалован не был
Заботой Афродит, Афин, Венер.
Схватив мольберт, альбом, краюшку хлеба,
Бежал с утра голодным на пленэр.

Как давят сок плодов лозы абхазской,
Тот сок, что превращается в вино,
Как на палитру тюбик свежей краски,
Ты душу выдавить готов на полотно.

Ах, это чувство тайного участья,
Ах, этот запах новеньких картин!
Гипноз причастия, предчувствие напасти
Куда угодно могут завести.

Мелькает жизнь стремительным спектаклем,
Всё ближе к нам последняя верста.
Ты выжмешь жизнь свою до дна по капле
И возродишься вновь в своих холстах.

*Февраль 2003
Москва – Питер*

МНОГАЯ ЛЕТА

Ветер утих, облысели берёзы.
Голые ветки, как руки мольбы.
Замер весь мир под осенним наркозом —
Это покорность веленью судьбы.

Ветер утих, и печально и плавно,
Может, последний кружится листок.
Краски вокруг разлились так забавно,
Будто на землю лёг пёстрый платок.

Ветер утих, за холодным туманом
Краски сереют и нервы сдают.
Кажется, рано, нелепо и странно
Суры Корана берёзы поют.

Ветер утих, дожидаясь рассвета.
Замер весь мир, дожидаясь зимы.
Мир вам, живущие, многая лета,
Многая лета — помолимся мы.

*Октябрь 2003
Черноголовка*

ЭТОЙ РАННЕЙ СОЛНЕЧНОЙ ВЕСНОЙ

Маме

На душе — осеннее ненастье,
Мысли разбегаются на части.
Видеть яркий день не в нашей власти
Этой ранней солнечной весной.
Мелким снегом пополам с дождями
Небо переполнилось над нами.
Леденеет гроб в холодной яме
Этой ранней солнечной весной.

Облетели чувства, словно листья,
Тучи над могилою нависли.
Холодеют на морозе мысли
Этой ранней солнечной весной.
В землю, в коченеющую темень
Всеяно безжизненное семя.
Намертво в пространство вмёрзло время
Этой ранней солнечной весной.

Тишина, похожая на грохот.
Грудь пуста — ни выдоха, ни вдоха.
Без тебя мне, мама, очень плохо

Этой ранней солнечной весной.
...Птичий щебет тишину нарушил,
Растревожил замершую душу.
Я молчал и птички трели слушал
Этой ранней солнечной весной.

Март 2003
Черноголовка

РАЗГОВОР С ЖЕНОЙ

Ты говоришь, что у соседки
Такие умненькие детки.
Сынок женат на итальянке,
А дочка — в Штатах, служит в банке.
И что соседка очень просто
На Рождество летает в Бостон,
А летом — с внуками своими
Она тютюшается в Риме.

Ты говоришь, что у подруги
Муж круче всех у нас в округе,
Торгует мебелью и лесом,
Рулит шестьсотым мерседесом,
А в Переделкино на дачу
Гуляет в джипе, не иначе.
Научный пыл — давно в былом,
На полке докторский диплом.

Ты говоришь, что мне бы тоже
Не худо быть на них похожим,
Что я застрял в тенетах чести
С добродорядочностью вместе,
Что я всю жизнь отдал работе,
А труд научный не в почёте,

Что лишь у хитрых перспективы,
Что не ворует лишь ленивый.
Оставим без сомненья все сомненья,
Жить будем без навара, без наживы.
И золотой порой своей осенней
Мы будем дружно жить, покуда живы.

*Июнь 2003
Москва – Черноголовка*

ВИСЯЧИЙ НОЧЛЕГ

Мы в этом каменном царстве одни.
Стены его монолитны и гладки.
В полкилометре под нами — ледник,
Как хорошо там, в уютной палатке.
Ближний наш мир затерялся во мгле,
Как негатив, что случайно засвечен.
Знать, не иначе висячий ночлег
В первый же день будет нам обеспечен.

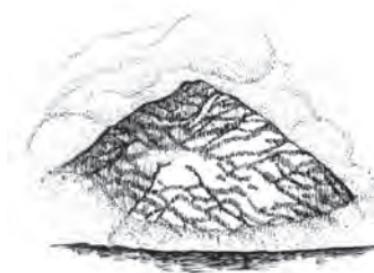
Горный король нам проклятья кричал,
Камни спускал с диким свистом и стуком,
Ветром гамак наш нещадно качал,
Но пожалел, и к утру убаюкал.
Звуки исчезли. Звенит пустота.
Скалы в тумане, а мысли, как в пене.
Хлещет поток, и не видно моста.
Лестница вверх, но не видно ступеней.

Круто. Отвесы. На скалах снежок.
Мир вертикален. Одни ординаты.
Орден вручал бы за каждый шажок,
Но никому не дают ордена тут.
Наперекор притяжению Земли —
Вверх по щели, а потом — по отвесу,

Чтоб мы до гребня пробиться смогли
Сквозь облаков дымовую завесу.
В эту вечернюю, хмурую рань
Мысли мелькают, как винт вертолёта.
Не перешла бы в полет эта грань —
Грань между ползаньем и полётом.
Мы в этом каменном царстве одни,
Души и мускулы — в полном порядке.
А в километре под нами — ледник.
Как хорошо там, в уютной палатке!

Ноябрь 2002 – декабрь 2004

Черноголовка

ЗАКОНЫ СОХРАНЕНИЯ

Перед самым Новым Годом власть общается с народом.
На вопросы отвечает, и народ души не чает.
Мол, хозяйство крепче стало, урожай, мол, небывалый,
ВВП прирост высокий и долги мы платим в сроки,
Неизменным прежним курсом гоним за рубеж ресурсы:
Газ, металл и нефть, и это — основной доход бюджета.
Нет важнее постулата — возрастёт у нас зарплата.
Увеличится, к примеру, пенсия пенсионеру,
Станут выше, несомненно, заработки у военных.
Слух прошёл о переменах — подниматься стали цены,
Нам тарифы и акцизы подготовили сюрпризы,
Связь разором угрожает, коммуналка дорожает.
Словом, при любой системе жизнь идёт по старой схеме.
Если где-то что прибудет, то в других местах — убудет,
Как учил нас Ломоносов. Так что ясно без вопросов —
Здесь свободней, там потуже. Если жить вы стали хуже,
Значит где-то, не иначе, кто-то станет жить богаче.
Мы молчим, воспринимаем, мы внимательно внимаем
И TV, и Интернету... Только лучшей жизни нету!

*2004
Черноголовка*

ХРАМ

Помню крутой и заснеженный гребень
Цепью из скал и ледовых ножей,
Горных ветров заунывный молебен,
В тучах вершина, как в неглиже.
Вдруг потемнело и стало тревожно,
Звук шелестящий — запели снега.
Дальше — опасно, почти невозможно,
Шаг в неизвестность — и вся недолгá.

Хоть и рюкзак под тобою, и всё же,
Ох, неудобно сидеть на ноже.
Встать бы пониже, там чуть положе,
Только вернуться поздно уже.
Мне бы укрыться и спрятаться мне бы,
К богу залезть в его тёплый карман...
Молнией слева разорвано небо,
Молнией справа вспорот туман.
Вспорот туман, и под вспышками молний
Виден оскаленный скалами сброс.
Теней мертвецких и ужасов полный
Вид подо мной — позавидует Босх.

Помню, как утром четыре сугроба
Зашевелились на гребне крутом.

Тихо восставши из снежного гроба,
Вниз мы спустились, вниз — на плато.
Солнца лучи заглянули за гребень.
Ожили звуки, проснулась вода.
Ветра молебен стал тих и хвалебен
В храме из камня, снега и льда.

В этом реальном, торжественном храме
Мы помолились Властителю гор.
Он обошёлся по-божески с нами,
Вынес не смертный нам приговор.
Нас не сгубил, хоть и планы нарушил,
И не пустил на вершину бродяг.
Видимо, в нас, в наших мыслях и душах,
Видимо, что-то было не так.

*Февраль 2004
Черноголовка*

РАЗНОТРАВЬЕ

Ты пришла на подъёмник Эльбрусский
В этот солнечный утренний час.
Ты неплохо болтала по-русски,
И весь день провела среди нас.
Назвала себя — полька Полина
Из местечка с названием Валжих.
Как ты лихо летала с трамплина,
Как крутила свои виражи!
И тебя я с твоей монолыжей
В этом снежном сиянии венца,
Как Да Винчи свою Мону Лизу
Захотел разгадать до конца.
Были инеем сосны одеты,
Ужин был на двоих при свече.
А потом, перед самым рассветом,
Я уснул у тебя на плече.
Солнца луч, как цветная оправа,
Осветил нас на пару минут.
Ты сказала, что взгляд мой — отрава,
Но так хочется в нем утонуть,
Что так хочется снова и снова
Ощутить полноту бытия.

Почему же смотрю я сурово,
Почему так загадчен я?
Что тебе мне на это ответить?
Ты меня что полегче спроси!

Что в душе моей — солнечный ветер?
Что в глазах моих — небо Руси?
Не тони в этой синей отраве
И меня разгадать не спеши.
Как российских лугов разнотравье,
Разноплановость русской души.

*Ноябрь 2004
Черноголовка*

БОГОМАТЕРЬ

Все чувства — в одном драгоценном флаконе,
Что бьётся и бьётся чуть слева в груди.
Мы в стойле родном, как усталые кони.
И нам все неймётся: а что впереди?

Вопрос не так прост, но коней не спросили:
Куда ж вы, родные, в крутой разворот?
На тысячи вёрст Матерь Божья — Россия
И дети грудные — российский народ.

Под снегом с дождём, по дорог бездорожью
Мы жизни влачили веков испокон.
Зашиту мы ждём лишь от Матери Божьей,
Мы сроду не чтили российский закон.

В ребёнке чудном на старинной иконе
Нам знак подаётся, что ждёт впереди.
Все чувства — в одном драгоценном флаконе,
Что бьётся и бьётся чуть слева в груди.

*Декабрь 2004
Черноголовка*

КАРГА

Приходит, костлявая, в чёрном прикиде могильном
И косит пока что на том берегу, на другом.
Но бродит, косая, всегда с телефоном мобильным
И шнырит, карга пустоглазая, шнырит кругом.
Уж близко косою своею звенит, а намедни
Она принялась, и смириться я с тем не могу,
Косою махать принялась не на чьём-то соседнем,
А здесь, на моем, на моем заповедном лугу.
Я все понимаю, и встреча с каргой неизбежна,
И сеном сухим обратится живая трава.
Пусть только Россия настолько была бы безбрежной,
Чтоб, сколько её ни косили, была бы жива.

*Декабрь 2004
Черноголовка*

МОЙ СОН

Я видел сон: лечу, лечу к звезде я,
Я твой Ясон, а ты — моя Медея.
Корабль Арго под парусом прекрасен.
Наказ богов почтён и опасен.
Нам суждено, как ни было бы тяжко,
Добыть руно колхидского баражка.
Эвксинский Понт волною нас ласкает.
Наш горизонт — лазурь и гладь морская.
А на восток — вершины гор до неба.
Какой восторг — места, где раньше не был.
Что там нас ждёт? Какой нам жребий выдан?
В плenу болот таинственна Колхида.
И нет примет — к несчастью иль к награде,
А царь Ээт жесток и беспощаден.
«Ясон, будь смел!» — благословляют боги.
«С колчаном стрел Амур уже в дороге».
В Медее страсть зажгла стрела Амура.
Спешит украсть Ясон баранью шкуру.
И снова — в путь, героев ждёт Эллада.
Медея, будь Ясону как награда.
Ясон, Ясон, ты вором был в Колхиде.
Взывает Хрон к Эриде, к Немезиде,
И ни при чем здесь время, расстоянья —

Ты обречён: измена, месть, изгнанье.
На гнев богов прощенья просят губы,
Но твой Арго — корабль — тебя погубит
Я вижу сон, и непонятно, где я,
Я не Ясон, но ты — моя Медея.

Декабрь 2003 – ноябрь 2004
Черноголовка

ГОРА

Все осталось вчера, все внизу, в мире том.
На полнеба — Гора, черно-белый фантом.
На вершине в снегах розовеет рассвет.
Мы уже в трёх шагах от мечты многих лет.

Ты, Гора, нас прости — потревожим слегка.
Нам, Гора, не пройти по стене без крюка.
На маршруте стенному Мир встаёт на дыбы,
Жизнь не кажется сном и подарком судьбы.

Наша жизнь на крючке у прекрасной Горы.
Отраженьем в зрачке все иные миры,
Ледников зеркала, синевы густота.
Перед носом — скала, за спиной — пустота.

Ты разучишься здесь и ходить, и лежать.
Только лезть, только лезть, стоя есть, сидя спать.
Столько дней провести, на верёвках вися!
Снег на гребне блестит, стенка пройдена вся.

На вершине — туман, на вершине — снега.
Что ни шаг, то обман, и над бездной нога.
Заливает глаза белый цвет, белый свет.
Невозможно — назад, и вперёд хода нет.

С ледорубом в руке я — как с тростью слепой.
Глохнет мир в молоке, хоть ты вой, хоть ты пой.
И с утра о ветрах хоть ты пой, хоть молись.
Ты прекрасна, Гора... Но так хочется вниз!

*1997–май 2005
Кавказ – Черноголовка*

ЧЁРНАЯ РЕЧКА

Наш скорый мчится, встречу приближая,
Сквозь зимний лес, навстречу январю.
К тебе, мой Питер, в гости приезжая,
Я мысленно земной поклон творю.

Земной поклон и мёртвым и живущим —
От Первого Петра до наших дней,
Друзьям моим, и пьющим и непьющим,
Чей труден путь и чей — ещё трудней.

Земной поклон театрам и соборам,
Земной поклон проспектам и дворцам,
Чугунным кружевным оград узорам
И невским водам с отблеском свинца.

Но есть одно заветное местечко,
Укромный скверик, черно-белый фон.
Метро довозит нас до Чёрной речки,
И здесь наш низкий поясной поклон.

Чёрная речка, Чёрная речка,
У обелиска зажжённая свечка.
Здесь на поляне, у самой опушки
Встретил бессмертие раненный Пушкин.

Была поляна снегом приодета,
Был белоснежен девственный покров.

Здесь пролилась безвинно кровь Поэта,
Его горячая и праведная кровь.

В тех далях девятнадцатого века
Занозой в сердце — год тридцать седьмой.
Здесь пал Пророк в обличье человека,
Здесь светлый Гений пал, загублен тьмой.

Хоть нет теперь ни рощи, ни опушки,
В жилом массиве — сквер и обелиск,
Живёт в нас Пушкин, вечно юный Пушкин,
С которым все мы вместе родились.

А память — черно-белою рекою,
На Чёрной речке — белый, белый снег...
Пусть эта память душу беспокоит,
Пусть будет так всегда, из века в век.

Чёрная речка, Чёрная речка,
У обелиска зажжённая свечка.
Здесь на поляне, у самой опушки
Встретил бессмертие раненый Пушкин.

*Май 2004 – сентябрь 2005
Питер – Черноголовка*

СУДЬБА

Открываем произвольно мы истории тома:
Всюду — войны, войны, войны да предательства чума.
Летописцы и поэты нам рисуют вновь и вновь
Наши беды разным цветом, чаще красным — это кровь.
То нашествие с Востока, то на Западе пожар,
Пир чумной, разгул жестокий на российских рубежах.
По Европе бороздою шла волна чумного зла
И коричневой бедою по России проползла.
Есть желание иное близких к нам лихих времён —
Скрыть поветрие чумное красным заревом знамён.
Но в России вражьей силе испокон веков заслон.
Вечный — Матушка-Россия — противочумной кордон.

*2005
Черноголовка*

МОЛИТВА

Сегодня стою пред собою с повинной
Сосудом, печалью наполненным, я.
Я — плод твой, был связан с тобой пуповиной,
О милая, милая мама моя!
Я молча приник к твоему изголовью,
Мы рядом с тобою, твои сыновья.
Свою любовью, живительной кровью
Ты нас породила, о, мама моя!
От маленьких, громко орущих комочков
Ты хворь отгоняла в неравных боях,
Своим молочком из набухших сосочеков
Вспоила, вскормила, о, мама моя!
Нас били шторма, нас швыряли лавины,
С тобою мы вместе, как прежде, семья.
С тобою духовной, святой пуповиной
Мы накрепко связаны, мама моя!
И если мне встреча с тобою случится
В иных, виртуальных, небесных краях,
Давай мы с тобой будем вместе молиться
О нашем бессмертии, мама моя!

*2004 — сентябрь 2005
Черноголовка*

РУССКИЙ ГЕНОМ

Наш Творец, наш Господь, наш Кумир,
Продолжая в пространстве парить,
Сотворив за пять дней этот мир,
Стал геномы людские творить.

Долго делал он русский геном,
Приустал над проблемой корпеть,
Записал языком хромосом:
— Вам потеть и хрюпать, но терпеть!

Вот и терпит наш русский народ,
Вот и терпит десятки веков
Самозванных господ всех пород —
От варягов до большевиков.

Снова с нами играют в лото,
Говорят, что на этот-то раз
Непременно нам выпадет то,
Что Господь за страданья припас.

И когда нам подъём пропоют,
Мы послушно откроем глаза
И проложим дорогу свою,
Как когда-то Поэт предсказал.

До глубинных корней, до основ
Всё изменится в русской судьбе...
Но, как встарь, исполнения снов
Не увидеть ни мне, ни тебе.

Октябрь 2005
Черноголовка

ALMA MATER

Alma mater — УПИ, мы собрались
на твой юбилей,
Мы к тебе, как и прежде, весёлой
и шумной гурьбой.
Ты такой же — УПИ, ну а мы
стали чуть повзрослей,
Чем тогда, в те года, когда жили
мы рядом с тобой.
Alma mater! С тобой были связаны
наши мечты,
И годам не состарить твой облик,
твою красоту.
Как с детьми, пуповиною накрепко
связана ты.
Разве можно забыть нашу молодость,
наш институт?
Протянулась сквозь годы и годы
незримая нить.
Эту связь ни отдать, ни забыть,
ни продать, ни купить.
И в названии новом своём
ты сумел сохранить

Это золото высшего качества —
марку УПИ.
Alma mater — УПИ! Мы с тобою —
большая семья.
Хоть живём далеко, но для душ
расстояния нет.
То, что делу мы честно служили,
заслуга твоя,
Просто мы выполняли, как должно,
твой мудрый завет.
И какие бы жизнь ни готовила
нам рубежи,
И какие бы нам миражи
ни кружились во мгле,
Наш УПИ — Alma mater —
во веки веков будет жить,
Коль хоть пара студентов останется
живь на земле!

2005
Черноголовка — Екатеринбург

ГОДЫ ПРОЛЕТЕЛИ

В мир земной приходят люди, в прах земной уходят люди.
И казалось бы, ну что тут за дела?
Здесь убудет, там прибудет, кто-то был, а кто-то будет.
Только жаль, что жизнь короткою была.
Были правила простыми. Хоть мы жили не святыми,
Но предательство и лесть — не наш удел.
Мы не сделались крутыми и тузами золотыми,
Мы старались — меньше слов и больше дел.
Жизнь мы скромную прожили, как сложилось, так и жили,
Не пытались убежать за поворот,
Чтобы вихри закружили, чтобы сны заворожили,
Чтобы стало все совсем наоборот.
Наших жизненных скрижалей мы страницы пролистали,
Торопясь, не дорожили каждым днём.
Звёзд мы с неба не хватали, мы не стали крепче стали,
Не горели все сжигающим огнём.
Жаль, что годы пролетели, пролетели мимо цели,
Если цель у нас какая-то была.
В славном месяце апреле мы тревогой не болели
И в полет не уносили нас крыла.
Жаль, что мало песен спели, да и пели еле-еле.
Этих песен потому и не поют.
И любить мы не умели — всё в постели, да в постели,

А не где-нибудь у бездны на краю.
Мой потомок, встреч с тобою не завещано судьбою,
Ты грехи мои прости и отпусти.
Жми вперёд без перебоев, будь всегда самим собою,
Обо мне ты, мой потомок, не грусти.
В прах земной уходят люди, нас история забудет,
Заметёт следы столетий суховей.
И когда меня не будет, насовсем меня не будет,
Всё равно я буду совестью твоей.

*Ноябрь 1999 – апрель 2005
Черноголовка*

ПРИЗРАК КОММУНИЗМА

Ходит, бродит по Европе коммунизма призрак*,
Несомненный для марксистов революций признак.
Ход реальных дел российских, призрачных знамений
Смог понять, учесть, предвидеть гениальный Ленин.
Неспроста его команда с целью первой пробы
Революции глобальной завезла микробы.
Выбирали, вычисляли, испытать на ком бы,
По России рассовали эти «биобомбы».
Революций не свершают чистыми руками —
Много крови и несчастий за большевиками!
Так мутант и народился в русской колыбели,
Призрак в сталинской России стал великой целью.
И с тех пор уже не бродит по Европе призрак.
Несомненно, для Европы — это лучший признак.
Это значит, что избавлен Запад от напасти.
Для России — реквиемы, по России — страсти.

2005
Черноголовка

* У классиков так: «Призрак бродит по Европе – призрак коммунизма ...» («Манифест Коммунистической партии»).

ВНУК ЧИНГИЗ-ХАНА

Обвёл глазами юрту
Старый Чингиз-хан —
Родня, соратники, советники, чины —
И подал внуку свой испытанный колчан
Для новых битв, для новой бешеной войны.
— Тебе идти за солнцем,
В Киевский предел,
И земли русов растоптать и разорить.
Переломи-ка мой колчан, в нем сотня стрел,
Тогда князей легко ты сможешь покорить.
Не совладал с колчаном
Юный хан Батый,
И властелин ему последний дал совет:
Все эти стрелы по одной сломаешь ты.
Чтоб победить, других приёмов нет.
И вот на землях русских
Вновь пожар горит,
Опять пьянит Орду кровавое вино.
Теперь в Европу безопасный путь открыт,
Монгольской саблею прорезано окно.
Вскипел Дунай от сотен
Тысяч конских морд,

Адриатических красот загажен кадр.
Но за спиною у монгольских диких орд
Поднял дружины новгородский Александр.

Ушли, умчались тучи
Этих страшных бед.
Европа пой, ликуй, Господь тебя спаси!
Машина войн, резни, батыевских побед
Увязла в шире вёрст немереных Руси.

2005
Черноголовка

ДРУЖБА ИМПЕРАТОРОВ

Между двух империй катит воды Неман.
В двух лежит империях городок Тильзит.
Тих и неприметен, кажется, что нем он,
Встретив исторический двух владык визит.
Величавый Неман тихо плот качает,
Посреди реки стоит на стремнине плот.
Якорями к берегу накрепко причален,
Он вчерашних недругов с нетерпеньем ждёт.

Мерный скрип уключин, пышные причалы,
Встреча визитеров на нейтральной полосе:
«Нашей дружбе вечной доброе начало!
Старые обиды мы позабудем все!»
Франция с Россией обнялись навеки.
С берегов шампанское — залпами в зенит.
«И Нева и Сена — родственные реки.
Пусть же провидение наш Союз хранит».

...Закатилось солнце Габсбургов, Бурбонов
И у Гогенцоллернов рушится престол.
Новая династия — клан Наполеонов.
Логика агрессора — сабля, штык и ствол.
Вечный враг — британцы, «вечный друг» — Россия.
«...Русские — за Неманом, Неман — не Ламанш.

Если всей Европой — русских мы осилим,
А потом и Альбион также будет наш».

...Между двух империй Неман катит воды.
Катит годы бурная времени река.
И в Неве и в Сене утекают годы,
За пять лет исчерпана «дружба на века».
Перекрыли Неман в трёх местах pontoны,
Бесконечно шествие войсковых колонн,
За Мораном — пеших, за Миоратом — конных.
«В гости» к Александру шёл «друг» Наполеон.

Гордые знамёна, мужественны лица,
Ими вся Европа завоёвана давно.
Шли герои Ульма и Аустерлица,
Шли они, не ведая про Бородино.
Пятались без боя русские дружины,
Жгли без сожаленья за собой мосты.
Русские просторы — сжатая пружина
Деревень покинутых, городов пустых.

В Бородинском поле — точка преломленья
В сотне вёрст от каменных древних стен Кремля.
Не знавала прежде тяжелей сраженья
Предками хранимая Русская земля.
А в Москве горящей — мародерство, кражи,
У завоевателей здесь своя мораль.
В грабежах и в пьянстве — трудно верить даже —
Принимал участие будущий Стендаль.

Вся Москва горела под пятой французов,
Им бы — перемирие, выйти с честью чтоб.

Логику другую диктовал Кутузов:
Кто успел — за Неманом, кто не смог — в сугроб.
Был тот путь обратный настоящим адом,
Кровью перечёркнута снега бирюза.
От Москвы до Вильно частые засады
Или войск кутузовских, или партизан.

Убегал агрессор, побросав знамёна.
Было предначертано, знать, судьбой самой:
Жалкие остатки полумиллионной
Армии вторжения добрались домой.
Проиграв сраженья на полях России,
потерял империю «маленький капрал».
«Вечный друг» России русских не осилил,
Потому Европу он так и не украл.

2005
Черноголовка

МОЯ ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

Мне в сорок первом было семь от роду.
Закончен первый в жизни школьный класс.
Как даль мутна в ненастную погоду,
Так смутно помню этот летний час,
Когда с балкона мама мне кричала:
— Сынок, домой! Скорей! У нас беда!
Что это крупных бедствий лишь начало,
Я вряд ли мог осознавать тогда.

В наш дом война пришла немного позже,
С госпиталями в зданьях наших школ,
Когда глаза у мамы стали строже,
Когда отец от нас на фронт ушёл,
Когда ночами шли с завода танки,
А я их вдали с надеждой отпускал,
Когда пришлось мне жизнь узнать с изнанки —
Со стороны военного пайка.
Когда мы на продукты обменяли
Всё, что осталось ценного у нас,
Когда украли прямо на вокзале
Наш драгоценный пищевой припас.

Когда во рту за целый день — ни крошки,
И мысли голодухою больны,

Мне мама из очистков от картошки
С машинным маслом делала блины.
Парням голодным — ну какие книги?!

Вселенским центром стал базарный двор,
Где продавать учили нас барыги
Поштучно папиросы «Беломор».

...С какой тревогой мы переставляли
На старой карте черные флаги,
Хотя не очень чётко представляли,
Насколько битвы были к нам близки.
Я помню подвиг наших под Москвою,
Тревогу за блокадный Ленинград,
И чётко помню я, с какой тоскою
Про окружённый слушал Сталинград.
И как был рад, победой окрылённый,
И как впервые красные флаги,
Как боевые красные знамёна,
Я ставил в Сталинграде, у реки.

Я помню, как упорно, непрестанно
Катил на запад наступленья вал.
Звучал чеканно голос Левитана,
А я на карте стрелки рисовал.
Я просто счастлив был, когда удары
По стрелкам были впрямь нанесены.
Я постигал на этой карте старой
Стратегию и тактику войны.

Я строил блиндажи, я рыл окопы,
В атаку шёл и оккупантов гнал,

Я Родину спасал и всю Европу,
Хотя тогда я этого не знал.
Я видел наших городов руины,
Я вместе с нашими бойцами умирал.
Так я дошёл от Волги до Берлина,
Не покидая свой родной Урал.
Здесь пережил я горести и беды,
Все смерти и ранения в бою.
В Тагиле встретил я Парад Победы,
Отсюда я производил салют.

...За далью тех времён, за рубежами
Победы той — чтоб не угас маяк,
Чтоб жить и жить, чтоб нам не угрожали
Ни террорист, ни киллер, ни маньяк.

*Май 2005
Черноголовка*

КОРАБЛЬ — РОССИЯ

Пора вставать, уже проснуться мне пора б,
Да не могу от сна избавиться никак —
Идёт во льдах крутых невиданный корабль,
Идёт корабль, дробя торосы так и сяк.
Большой корабль, его матросы под хмельком,
И капитан стоит над всеми у руля.
Маршрут нелёгок и не очень нам знаком,
Но капитан рулит движеньем корабля.

Да это ж ты, моя Россия, снишься мне!
Везёшь ты в трюмах миллиарды тонн добра,
Да только вижу я в тревожном вещем сне,
Что не ко всем ты одинаково добра.
Случись беда, все сразу встанет на места,
И будет все тогда совсем наоборот —
Спасут тебя не бог, не черт, не капитан,
Спасут матросы — неприкаянный народ.

Твой курс не зюйд, твой курс не вест, не ост, не норд,
Твой курс особенный, проложенный судьбой.
Ты привези, корабль, матросов в новый порт,
Кто б ни пытался управлять в пути тобой.

Тебе не раз собой случалось мир спасать.
Теперь, о Русь, ты от самой себя спаси,
Чтоб из сынов твоих никто не мог сказать:
— О, Русь моя, ты за шеломянем* еси!

Январь 2005
Черноголовка

* Шеломя (др.-русск.) — холм, горная гряда...
Прямая аллюзия на известную строку
«Слова о полку Игореве». — Ред.

О ДУРАКАХ И ДОРОГАХ мини-фельетон в стихах

Не пример для нас ни Запад, ни Восток,
Русь особицей была на всю планету.
Век мы жили без асфальтовых дорог,
Но без дураков жизни нету.

Нет житья у нас без наших дураков,
Потому, видать, дурные и дороги:
На центральных — автотранспорту легко,
На дорожках — пешеход ломает ноги.

Я напомню, если кто успел забыть,
Чтобы было наше общество здоровым,
Пешехода обязательно любить
Призывали Ильф с товарищем Петровым.

Дело ж вовсе не в теории, а в том,
Что на практике у нас в Черноголовке
К институтам — очень просто на авто,
Но пешком не прoberёшься без сноровки.

Коли есть гидрокостюм, его надень —
Это модно нынче в нашем пешем братстве —
Потому как по четыре раза в день
Мы сдаём зачёт на полосе препятствий.

Вдоль дорожки, вдоль порожистой реки
Проберёмся, где прыжками, где-то краем.
Мы ведь тоже, между прочим, дураки,
Раз себе такие власти выбираем.

Апрель 2005
Черноголовка

СОН СТРЕЛЬЦА

В декабре я вижу солнце марта,
В марте вижу выюги декабря.
В марте у стрельцов — волненье старта,
В декабре зажжётся их заря.
На заре их первый крик истошный,
О себе чтоб миру заявить,
Женской грудью — соской ненарочной
Первый голод жадно утолить.

С малых лет пускаться в авантюры
И пытаться заглянуть за грань,
Строить с каждой юбкой шуры-муры,
Видеть сны в предутреннюю рань:
В декабре — вдруг мартовское солнце,
Яркий, но холодный блеск лучей,
И ручей течёт в моё оконце,
Ледяной голубенький ручей.

Странный сон прилипчив, как привычка:
Снятся стол, два стула и кровать,
Прилетела робкая синичка,
Чтоб со мною зиму зимовать.
Шумной стаей журавли влетели,
Было их десятка, может, два,
Сквозь мороз, сквозь выюги и метели
Добрались, не сгинувши едва.

Я поил гостей горячим чаем,
Пирогами с рыбой угощал.
Я был счастлив, в них души не чая,
Всей душой от счастья трепеща.
Хлопали журавушки крылами,
Пробивали клювом тонкий лёд,
В этом шуме, гаме и бедламе
За собою звали в перелёт,

Чтоб летел я вместе с ними в стае
От морозов в тёплые края.
Чувствую, что в воздух я взлетаю,
Но внезапно просыпаюсь я.
Мало ли какой мне сон приснится
Посреди декабрьских снежных вы沟,
Мне бы удержать в руках синицу,
Журавли пускай летят на юг.

Июль 2005
Черноголовка

ФИМИАМ

Снится мне большой кремлёвский тронный зал,
Подошёл я прямо к трону и сказал:
— Можно вас, Владим Владимиыч, на момент?
Вы у нас Всея России президент,
А в России, как, пожалуй что, нигде,
Воскуряли фимиамы для вождей.
Нас сажали, нас гноили, нас дурили,
Ну а мы — всё фимиам вождям курили.

Вы отлично отработали свой срок,
Оценили вас и Запад, и Восток,
И общественное мнение не врет —
Вас поддержит вся Россия, весь народ.
Я сегодня отдаю свой голос вам,
Но не дайте воскурять вам фимиам.
Здесь не надо ни иллюзий, ни идиллий,
Надо помнить: мы все это проходили!

*2005
Черноголовка*

Я ЖИЗНЬ НЕ ИЗУЧАЛ

Я жизнь не изучал, влеком её теченьем,
Стремился на фарватера огни.
С детсадовских начал не придавал значенья,
Когда и кем расставлены они.
Я был — всегда готов! И в школе, и на воле,
В лесу, у пионерского костра.
Однако от постов карьерных в комсомоле
Избавился, когда пришла пора.

Студенчества грехи — подружки, рестораны,
Где джаз так упоительно звучал.
Незрелые стихи, пустынные карманы
И грузчика работа по ночам.
О Гегеле прочёл в учебниках марксизма,
Но Гегеля, признаться, не читал.
Мне было нипочём, что харя, что харизма,
Я в дух святой не верил ни черта.

Я жизнь воспринимал, пожалуй, фрагментарно,
Не связывал со следствием причин.
Однако понимал — прожить нельзя бездарно,
Пропасть, как мотылёнок, в огне свечи.
Да, жизнь не изучал — она меня учила,
Просеивала встречных сквозь меня.

Кто дятлом всё стучал, кто был большим темнилой,
Кто ягоду на выгоду менял.
А кто в моем нутре, в моем душевном сите
Осел, как божий дар, как амулет,
Чей мысленный портрет сквозь суetu событий
Несу с собой шестой десяток лет.
Я жизнь не изучал, я жизнь воспринимал,
И, вновь начав, я вряд ли что менял.

Июнь 2005
Черноголовка

А ВДРУГ ОПЯТЬ?

Упал туман, расплылись очертанья,
Заглохли мощные сердца в груди машин.
Исчезло время, изменились расстоянья,
Пропало эхо в серой, сумрачной тиши.
Мелькают призраки —
Тревоги признаки,
Как будто кто-то притаился за углом.
Бреду я ощупью
Пустынной площадью,
И мнится мне — ещё минута и... облом.

Но вот рассвет, и новый день разбудит
Надежду, Веру и Любовь в моей груди.
Наполнят улицы не призраки, а люди,
И всем удача замаячит впереди.
И солнце ясное,
И жизнь прекрасная,
И что-то важное и светлое грядёт.
Неужто сбудется
Все то, что чудится?
А вдруг опять в природе ночь произойдёт?

*Декабрь 2005 – январь 2006
Черноголовка*

ПРОГНОЗ

Дали нам в наследство солнечный прогноз,
Нашей жизнью с детства управлял гипноз.
Но сгостились годы обложным дождём.
Солнечной погоды мы давно не ждём.

И в плену ненастяя, ты уж мне поверь,
К радостям и к счастью не закрыта дверь.
Сменит сумрак буден светлая заря,
Радоваться будем, что живём не зря.

Дробовым зарядом годы пронесло.
Ты со мною рядом, и в душе светло.
Ты — мой сон о лете, сон, но не гипноз,
Сон сквозь снег и ветер, сквозь зимы прогноз.

*Май 2006
Черноголовка*

«ВИРА» ЛАСТОЧКИ
минифельетон в стихах

Я скажу вам, хоть мне и неловко,
Что в весенних лучей кутерьме
Просыпается Черноголовка
Вся в собачьем, простите, деръме,
Вся в зловонных бензиновых лужах,
В пятнах масел на входе в подъезд,
С погибающим лесом к тому же
Возле наших домов и окрест.

Эту гадость и канцерогены
На подошвах своих разнесём
По стране, по Земле, по Вселенной
И притащим в наш собственный дом.
Я далёк от молитв и нотаций,
Но плохие дела мы вершим.
В них — причина возможных мутаций
И для тел, и для нашей души.

Если станет наш город помойкой,
Нам всё это Господь не простит.
Знать чугунная ласточек тройка
Не спроста очень низко летит.

И пока не дошли до предела,
Не дождались до судного дня,
Надо многое нам переделать,
Надо ласточек выше поднять!

Март 2006
Черноголовка

РУССКИЕ БЕРЕЗЫ

Россия вспрянет ото сна...

Полюбил я с детства русские берёзы,
Ветром бы зарылся в зелень их волос,
И совсем как пьяный, хоть вовсю тверёзый,
Обнимал бы ножки беленьких берёз.

Пряди перекрасят первыми берёзы.
Что ж, мы вместе с ними осень подождём.
О минувшем лете сказочные грёзы
Облетят с их веток золотым дождём.

На ветру застынут голые берёзы.
Зимнею порою жалостно до слез
Видеть, как нещадно лютые морозы
Льдом сковали ножки беленьких берёз.

Разве может русский не любить берёзы?
По весне их корни гонят сок хмельной.
Их разбудят, сонных, по апрелю грозы...
Нам бы всем воспрянуть ото сна весной!

*Февраль 2006
Черноголовка*

КОМАНДА

Встречи — расставания в юности слушаются.
Жизненных случайностей колесо кружись!
Но бывает — встретились, встреча не кончается,
Встреча продолжается, встреча на всю жизнь.

Были мы командою, горным братством спаянной,
Крепкою командою, лёгкой на подъем.
На вершины скальные мы рвались отчаянно,
На любых маршрутах мы знали, что пройдём.

Так уж получается — жизнь в горах рискованна,
Здесь других случайностей кружит колесо.
К скалам, прометеи мы, крючьями прикованы
И верёвкой связаны, как скакун — лассо.

До сих пор ночами мне снятся те мгновения —
Стенка вертикальная, выход на карниз.
Что же приключилось там — мучатют сомнения.
Слышу крик отчаянный: «Камень! Берегись!»

Стали мы командою, для других — незримою.
Колесо вращается, старят нас года.
Но душа не старится. Памятью хранимые,
Эти лица юные в сердце — навсегда.

Январь 2006
Черноголовка

КАНЧЕНДЖАНГА

На Урале, на Урале нет высоких гор.
Мы горою называли здесь любой бугор.
Не уральские красоты видел я во сне,
Гималайские высоты снились по весне.

Канченджанга нашей мечты,
Канченджанга — зов высоты,
Канченджанга — скалы и лёд,
Канченджанга — вверх и вперёд!

На Кавказе, на Кавказе — мир моей души.
На Кавказе я излазил множество вершин.
В рамках скал прекрасны лики голубого льда.
Гималаев снежных пики снились мне всегда.

На Памире, на Памире я бывал не раз.
Я согласен, Крыша мира — это не Кавказ.
Там другие измеренья, там особый мир.
Гималаи, без сомненья — это не Памир.

*Январь 2006
Черноголовка*

МИНИ-ПОЭМА НА БОЖЕСТВЕННЫЕ ТЕМЫ

Володе Жданову

Пространство безразмерное — начало всех начал,
Создатель не крутил его, не двигал, не качал.
Сплошное равновесие без времени, без дат,
Покой и царство сонное сегодня и всегда.
Вскочил вдруг Боже праведный, и голова в огне —
Он Жданова Владимира увидел в страшном сне.
Бог вылез из космической, из Чёрной, из дыры,
И, видимо, с спросонья Большой устроил взрыв.
Увидев, что с пространством в тот миг произошло,
Господь, видать, опомнился, а время-то пошло!
Пошли сплошные синтезы, как Божии дары —
И вот уже созвездия и целые миры.
Создатель призадумался в решительный момент,
Но продолжал старательно творить эксперимент.
Он выбрал во Вселенной самый тёплый, светлый край,
Проверил экологию, решил, что это — Рай.
Но наши прародители хлебнули там беды,
От Дерева Познания вкусив запрет-плоды.
Прогнав Адама с Евой, Бог в сторонку отошёл,
Он знать не знал про Жданова, а тот-таки пришёл.
Пришёл и стал прикидывать, с чего б ему начать,
И стал науки точные прилежно изучать.

Земная твердь для Жданова — сплошная ерунда,
Влекла его зефирная эфирная среда.
А наш Творец над опытом химичил все ещё.
У Жданова — теория, модели и расчёт.
Как знать, кто адекватнее науку создаёт!
Пускай же Богу — Богово, а Жданову — своё.
А значит, пожелаем мы, что б наперегонки
Творили Жданов с Господом столетьям вопреки.
Коль нам прервать захочется земную жизнь свою,
Пускай мы снова встретимся у Господа, в Раю.

*Июнь 2006
Черноголовка – Подольск*

В ПОДВАЛЬЧИКЕ «МУ-МУ»

Собраться есть причина в подвальчике «Му-Му»,
Сегодня годовщина рожденью моему.
Почти по вертикали спешат мои года.
Куда вы поскакали? Торопитесь куда?

И мы спешим куда-то — успеть, догнать, начать,
И праздничные даты в кругу друзей встречать.
Как сказано Поэтом: прекрасен наш союз!
С раздумьями об этом и я не расстаюсь.

Клянусь, все козни ада, все силы недобра
Не вызовут распада уральского ядра.
Прекрасны ваши лица живым огнём ума,
Хотя уже клубится по краю лет туман.

Узнают ли потомки, что были ты и я.
Как жаль уйти в потёмки, в туман небытия.
Пусть в радость будут встречи, не будет им конца.
У нас ещё не вечер в умах, глазах, сердцах.

*Декабрь 2006
Черноголовка – Москва*

БОЛЬШОЙ ВЗРЫВ
венок космогонических сонетов

1.

Рожденье Мира — Взрыв первоначальный.
Виновен в этом демон или бог?
Иль то — развития вселенского итог,
Закономерный или же случайный?
Рожденье жизни — акт вполне банальный,
Здесь каждый может иль когда-то мог.
Но где само начало? Тот росток,
Который стал квартирой коммунальной
Оживших вдруг молекул неживых,
Сплетавших тесно генные объятья
В тот первый, непорочный акт зачатья,
Ещё без гениталий половых?
Пока наука в этом без понятья,
Нам говорят учёные волхвы.

2.

Нам говорят учёные волхвы,
Что надо верить в акт материальный,

Не в Божий дар, чудесный и сакральный.
Вот только есть вопрос — не лох ли вы?
Какой маразм для умной головы:
Сменить простор свободы сексуальной
На узость ложа веры клерикальной,
Оргазма стон на шепоток молвы!
Материи взъерошенная грива,
Божественность небесной синевы,
Энергия прилива и отлива,
Зелёный шум деревьев и травы —
Последствия того Большого взрыва.
Что было до — нам не узнать, увы!

3.

Что было до — нам не узнать, увы!
А может быть, до Взрыва было Слово
Происхожденья явно неземного,
Оно и породило этот Взрыв?
Неведомое в далях синевы
Нас заставляет попытаться снова
Добраться до истоков, до основы
И сбросить полог с таинств роковых.
Так каждый для себя первоначально
Кумиров и богов готов создать,
Чтобы потом хулить, ниспровергать
И осуждать вербально и орально,
Потом чертей на сцену воздвигать,
Хотя, что после — знаем мы детально.

4.

Хотя, что после — знаем мы детально,
В микросекунды время раздробив,
Каких частиц рождался коллектив,
Пусть даже поначалу неформальный.
Кто автор? Это очень актуально,
Когда получен важный результат.
И Нобелевский тот лауреат,
Кто результат имел феноменальный.
А коллектив? А коллектив таков,
Каким его хотел замыслить Гений.
Проверить очень просто простаков
На полиграфе или на рентгене —
Нигде так не стерильна пыль веков,
Как в заварухе жёстких излучений.

5.

Как в заварухе жёстких излучений,
Где все живое гибнет, как в огне,
Рождался этот жизни гимн во мне —
Большой концерт из тихих песнопений.
В минуты этих мрачных откровений,
Ну прямо соловьями по весне
Рассказывали по TV стране,
Как отучить общественность от лени,
Как возбудить мечты у частных лиц,
Как сделать средним классом маргиналов,
Где наступил конец — начать сначала,
И отщипнуть финансы у столиц,

Потусоваться враз на трёх вокзалах,
Как в дискотеке кварков и частиц.

6.

Как в дискотеке кварков и частиц,
Родятся ядра истин всё тяжеле,
В потенциальном поле, на меже ли,
По тайному приказу третьих лиц.
Средь суверенитетов и столиц
Какие ядра в цели полетели,
Как жирные грачи летят в апреле,
Распугивая граем мелких птиц.
Собрались — журналист на журналисте —
Прямым подобьем птичьих верениц.
Мы старых истин самовар начистим,
Перелистаем ворохи страниц.
Без всяких этих абсолютных истин
Играют плюсы с минусами блиц.

7.

Играют плюсы с минусами блиц,
Бросают кости в темноте загробной,
Иль в яркой, но совсем анаэробной
Шальной судьбе космических частиц.
О том расскажут многое небылиц,
Расскажут деловито и подробно,
Как мучались в тоске внутриутробной,
Играя роль подопытных мокриц.
Ах, эти плюсы новых поколений

И минусы старух и стариков!
Их нулевой баланс всегда таков,
Что тени не дошли до нас сомнений
Из тьмы веков, глубокой тьмы веков
В пространстве, не имевшем измерений.

8.

В пространстве, не имевшем измерений,
Пока что в точке прячется беда.
Отдав в металлом все провода,
Вы жизни ждёте без столпотворений.
Но время — цепь из пауз и мгновений,
И как бывает горестно тогда,
Когда сладкоголосая звезда
Родит накал попсовых песнопений.
Земля моя в намыленной петле
Повисла на космической Голгофе,
А Якобс попивает чёрный кофе,
И ведьма проплывает на метле.
Но мир уже готовят к катастрофе
В большом вселенском ядерном котле.

9.

В большом вселенском ядерном котле
Не только грешников сожжение коснётся,
Здесь все равны, когда пожар начнётся
И всё испепелится на Земле.
И даже ведьма на своей метле
На скорости второй не унесётся,

А кое-кто, тот даже не проснётся,
Сгорев в единый миг на вертеле.
И снова пусто станет во Вселенной,
Как было триллионы лет назад,
Когда произошёл тот самый ад,
Который назван Взрывом здоровенным.
Под — всё сгорело там, а над —
Рождались Звёзды в тайне сокровенной.

10.

Рождались Звезды в тайне сокровенной,
А здесь творились тайные дела,
И силы помощнее помела
Нас уносили в омут Ойкумены.
Сказал Поэт, что все мы в мире тленны,
Но тленность здесь мгновенною была,
И у Харона сохли два весла,
Готовые к работе неизменно.
Скатилась чья-то мутная слеза.
Иль это кровь была из чьей-то вены?
Здесь кто-то против был, а кто-то — за
Проверку парадигмы дерзновенной,
И верил, и следил во все глаза,
Как разбегались Звезды по Вселенной.

11.

Как разбегались Звезды по Вселенной,
Так все мы взрь бежали в никуда,
Не оставляя на Земле следа,

Ни функции, ни даже переменной.
О чём нам глас певца вещал за сценой?
Что впереди у всех у нас беда,
Что жизнь и смерть — такая ерунда,
Как доллары, рубли или иены.
А что же остаётся на Земле?
Животворящей функции начало,
Чтоб плюс и минус время повенчало
И плоть обрёл обугленный скелет,
И чтоб к земным вернулись мы причалам
Орбитами, подобными петле.

12.

Орбитами, подобными петле,
Пускай летают в космос наши души,
А вот тела пусть ждут их здесь, на суше,
Когда они приблизятся к Земле.
Как в том ковчеге, в звёздном корабле
Причалят души чистых и нечистых,
И мы воспрянем, пёрышки почистив,
И жизнь начнётся, солнышко светлей.
Мы всем расскажем, как из звёздной пены
Рождали души мир Большой Души,
О том, как в нашей солнечной глуши
Решили души жить обыкновенно,
Облёт миров Вселенной совершив,
Рождая рой планет благословенный.

13.

Рождая рой планет благословенный
(Для мирозданья важный эпизод),
Творила Звёзд полночных крестный ход
Природа, предвещая перемены.
Трагедий не избыть у Мельпомены,
Был декорирован спектакль и над, и под,
Где преисподней круг, где небосвод,
Где синтез, где зарядами обмены.
Оставив все сомненья на нуле,
В сиянье Звёзд, как в вихре хоровода,
кружилась беспрерывно Мать-Природа
(Была она слегка навеселе),
Рожая в муках окись водорода,
Даря жизнь моей родной Земле.

4.

Даря жизнь моей родной Земле,
Земле — всего живого колыбели,
Той, о которой души так скорбели,
Пустившись в путь на звёздном корабле.
Мы были, есть и будем на Земле,
И сколько б мы в пространство ни глядели
На тот, вдали, обетованный берег,
Он миражом рассыплется во мгле.
Не нам судить о перспективе дальней,
Не нам судачить, чёрт нас побери!

Не будет ни заката, ни зари,
Когда вернёмся к той поре печальной,
Да только вряд ли кто-либо узрит
Рожденье Мира — Взрыв первоначальный.

15.

Рожденье мира — Взрыв первоначальный,
Нам говорят учёные волхвы.
Что было до — нам не узнать, увы!
Хотя, что после — знаем мы детально.
Как в заварухе жёстких излучений,
Как в дискотеке кварков и частиц,
Играли плюсы с минусами блиц
В пространстве, не имевшем измерений,
В большом вселенском ядерном кotle
Рождались Звезды в тайне сокровенной
И разбегались Звезды по Вселенной
Орбитами, подобными петле,
Рождая рой планет благословенный,
Даря жизнь моей родной Земле.

*Май 2007
Черноголовка*

ВСТРЕЧА С ЮНОСТЬЮ

Юре Порохне

В дали времён остались те года,
Когда был Гитлер, был товарищ Сталин,
Военных лет крутые холода —
В Тагиле, на Вагонке, на Урале.
С тех пор года мелькали все быстрей,
И в памяти отрывки и отрезки:
Кому — колымских страшных лагерей,
Нам — лагерей весёлых, пионерских.
Нас разбросала трудная судьба,
И — встреча вновь по тайному приказу:
Средь гор свела счастливая тропа,
Но не Уральских гор, а гор Кавказа.
Пусть нас ведет таинственная связь
Вод Адыр-су и вод реки Тагила,
И пусть хранит Тютюйский горный князь
Ущелье, что нас вновь соединило.

2007

Альпинистский лагерь Уллутау — Москва

ХРАМ БОЖИЙ

Вопрос о Боге сложен, не банален.
Истории вопроса — срок большой.
Мы говорим, что мир материален,
А как же быть с нетленною душой?
Материя и Дух — кто их разделит?
Как удалось Природе так суметь:
Душа живая в нашем бренном теле —
Их разнимает только наша смерть?
Какую ипостась считать верховной?
Какую веру примем ты и я?
Мы говорим о сущности духовной,
Мы думаем о сути бытия.
В какой чертог мы отворяем двери?
Какие примем правила игры?
А может, просто верить иль не верить —
Что было раньше: Слово или Взрыв?
Мы к Истине возденем наши руки,
Поклонимся и небу, и горам.
Для разума нам нужен храм науки,
А нашим душам нужен Божий храм.

*Октябрь 2007
Черноголовка*

МЫ ГОТОВЫ К БОЮ!

Борису Хорошилову

Боре Хорошилову стихи я написал*,
Чтобы прочитать их здесь, на юбилее.
Пусть несут нас в будущее дружбы паруса,
Нашей жизни реки пусть не обмелают.

Что-то растеряли мы в трясине бытия,
Нет на наших встречах прежних интермедий.
Я скажу, друзья мои, грусти не тая, —
Глуше стали звуки колокольной меди.

На абсциссе времени все ближе точка «икс»,
Но с друзьями легче строить оборону.
Если все ж придётся нам ехать через Стикс,
Не доверим весла старику Харону.

Мы ещё друг друга различаем без труда,
Время нашу память не запорошило.
Как тогда, в далёкие юности года,
Мы готовы к бою, друг наш Хорошилов.

*Октябрь 2007
Москва*

* «Климу Ворошилову письмо я написал...» – популярный в 30-е годы стишок, а потом и песня. — Ред.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

Я Мать-Природу воспою на все лады
Под шёпот трав, под жуткий грохот урагана.
Ковчег построю я в предчувствии беды,
Чтоб не пришла она негаданно, нежданно.
В глубины чувств своих стремительно нырну,
Очнусь в горах, на скальном гребне, на Кавказе,
Во флёр таинственности мысли заверну,
Взметнусь пожаром в поэтическом экстазе.
О чем скажу, о чем друзьям моим спою?
И в чем сомнений не испытывал ни разу?
На чем построил я религию свою?
Что могут чувства и на что способен разум?
Сниму судьбы своей поношенный мундир,
Оставлю все свои вопросы без ответа,
Уйду от суетолоки в виртуальный мир
И затеряюсь в паутине Интернета.

*Ноябрь 2007
Черноголовка*

ЛОДОЧКА

Мой родитель, хоть совсем не корабел,
Сделал лодочку меж прочих разных дел.
Запустил он, хоть густой стоял туман,
Эту лодочку в житейский океан.

Запустил он в неизвестные края
Эту лодочку, в которой жизнь моя.
Только жизнь моя — не сладкая хурма,
Били лодочку жестокие шторма,

Гнали лодочку на скалы и на мель
Побережий неизведанных земель.
Я богатства не скопил за много лет,
Ни алмазов нет, ни золотых монет,

Лишь пробоин да заплат десятка три,
И у лодки ни руля и ни ветрил.
Снова время погружается в туман,
Только что это — мираж или обман?

Чуть колышется палатка ветерком,
В белом женщина и с белым рюкзаком.

Только женщина, похоже, не моя,
Не рюкзак в руках, а стопочка белья,

Не палатка, а палата — это Склиф,
Для моей дырявой лодочки залив.

*Март 2002 – апрель 2008
Москва, НИИ Склифосовского*

ТОЛЬКО ТЫ И ТОЛЬКО МНЕ

Меди

Помнишь, горы на ночь тихо-тихо улеглись,
Снежными покровами свои укутав спины?
Помнишь, эти звёзды в чудный миг слетели вниз,
И туман поднялся к нам в палатку из долины?
Помнишь, как в Миоссере нас качал морской прибой
И луна всю ночь на нас глядела сквозь палатку?
Полная луна не помешала нам с тобой
Чувствам нашим нежным отдаваться без оглядки.

Хочешь, я могу в своих стихах зарифмовать
Образ твой, волнующий, влекущий и прекрасный.
Хочешь, заверну его в красивые слова,
Пеньем этих строчек передам свой трепет страстный.
Ворох этих нежных поэтических страниц
Пусть щитом надёжным будет от дурного взгляда.
Только мне дано перед тобою падать ниц,
Только для меня ты предназначена в награду.

*Май 2007 – сентябрь 2008
Черноголовка*

СТРАНА АПСНЫ

Облака плывут над морем, облака,
Свежий ветер их несёт издалека.
Наш баркас волна качает,
Нас встречают крики чаек,
И в моей руке лежит твоя рука.

Необычное волнение в груди —
Ты на море, ты на горы погляди!
Мы у этого причала
Начинаем все сначала,
Будут радости и счастье впереди.

Привела меня счастливая судьба
В этот город под горою Чункузба.
Здесь гора волну встречала,
Здесь лежит начал начало,
Здесь зовёт вперёд и вверх судьбы труба.

Будут дети, будут внуки, а пока
На моей руке лежит твоя рука.
Это ключ к земному раю,
Я от счастья замираю,
Уплываю, улетаю в облака.

Стали явью наши думы, наши сны,
Стала осень пробуждением весны.
Это море на рассвете,
Этот горный вольный ветер
Над страной с названьем ласковым Апсны.

*Сентябрь 2008
Черноголовка*

ОКТЯБРЬ

Биржею осени все перемолото,
Зелень — на золото,
Зелень — на золото.
Листьев вращение, с летом прощание,
Сумерки ранние,
Сумерки ранние.
Скоро и осень с зимою подружатся,
Льдинки на лужицах,
Льдинки на лужицах.
Станут печальными лица на улице,
Небо нахмурится,
Небо нахмурится.
Грустью, печалями небо затянется,
Кто-то останется,
Кто-то расстанется.
Биржею осени все перемолото,
Зелень — на золото,
Зелень — на золото.

*2008
Черноголовка*

УЩЕЛЬЕ АВАДХАРА*

Прогуляемся вокруг земного шара
По бульварам, тротуарам,
По крутым высокогорным кулуарам,
Где от трудностей тебя бросает в дрожь.
Только время потеряешь ты задаром
В Свете Новом, в Свете Старом,
Лучше места, чем ущелье Агадхара,
Лучше места ты, конечно, не найдёшь.

Это место не Европа и не Азия,
Здесь и горы, и шумит морской прибой.
Я опять в краю чудесном, на Кавказе я,
Где когда-то повстречались мы с тобой.

Если ты из Воркуты иль Нарьян-Мара
Едешь к морю за загаром,
Подлечить себя природы щедрым даром
Из источников живительных земных.
Только время потеряешь ты задаром
В Свете Новом, в Свете Старом,
Лучше места, чем ущелье Агадхара,
Ты не встретишь, не найдёшь в краях иных.

* Агадхара (абх.) – Абхазские Альпы, Западный Кавказ.
— Авт.

Запасись экологическим товаром
По базарам и по барам,
Подлечи себя божественным нектаром
От абхазской чудодейственной лозы.
Будут нам теперь завидовать недаром
В Свете Новом, в Свете Старом,
Мы расскажем про ущелье Агадхара,
Что спасало нас от бури и грозы.
Прогуляемся вокруг земного шара
По бульварам, тротуарам,
Мы поймём, что только песни под гитару
Помогают нам на жизненном пути.
Значит, время не потеряно задаром
В Свете Новом, в Свете Старом,
Значит, лучше, чем ущелье Агадхара,
Лучше места на планете не найти.

*Ноябрь 2008
Черноголовка*

ВЕТОЧКА

Тебе, моя Меди

В летнюю пору жизни окна моей души были всегда нараспашку.
Я не боялся сквозняков и никогда не ощущал одиночества.
Возле дома моей жизни росла белоствольная берёза,
Вся в зелёном наряде и загадочная, как тайны Вселенной.
Её ветки весело тянулись в разные стороны.
Одна веточка была совсем рядом с моим окном,
Но не решалась заглянуть в сумрак моего жилища.
Она всеми своими листочками тянулась к солнцу.
Она не сомневалась, что это и есть счастье и что так будет всегда.
Я тоже думал в ту пору, что лето не имеет пределов,
Иногда бездумно срывая листочки деревьев,
Которые заглядывали в моё окно.
Но вот однажды я вдруг увидел, что книги не врут,
Что кончилось лето и наступила осень,
Пришла холодная, сырая, унылая пора.
Очень скоро я понял, что жить с закрытым окном гораздо теплее,
Но сквозь залитое водой стекло я жадно взглядался
В туманную даль житейского космоса.
Я мечтал и втайне надеялся, что впереди ещё будет лето!
А что же веточка? Она растеряла свои пожелтевшие листья.
Она качалась на холодном ветру и стучалась в моё окно
Своими покривевшими коченеющими лапками.

Она страдала от холода одиночества и просила о помощи.
Я приоткрыл окно и впустил к себе веточку,
Но вместе с ней в комнату ворвался холодный осенний ветер.
Я понял, что общение через открытое окно — занятие не из приятных.
— Веточка! Хочешь войти в дом моей жизни и остаться в нём?
Но ты навсегда расстанешься со своими корнями!
Трепетом ожидания ответила веточка и приникла к моей ладони.
— Я сломаю тебя, веточка! Я выберу для тебя самую красивую вазу.
В эту осеннюю пору ты украсишь моё жилище,
А я согрею тебя нерастраченным теплом своей одинокой души.
Не зеленеть тебе больше, но ты прекрасна и без весенней листвы.
И пусть после осени придёт зима — мы встретим её вдвоём.

*Апрель – сентябрь 2008
Москва – Черноголовка*

СОЛОВЕЦКАЯ ПОГОДА

На горизонте над водою купола
Встают легендами для пришлого народа.
Святых отцов сюда когда-то привела
И приютила соловецкая погода.
Сегодня вместе мы, а значит — земляки,
Мы с одного, как говорится, огорода.
Земной поклон земле с названьем Соловки,
Здесь нас встречает соловецкая погода.

Здесь каждый камень — исторический архив.
Святой земле благословенна будь, природа!
Поются песни и слагаются стихи,
Нас вдохновляет соловецкая погода.
В своей молитве мы помянем Соловки,
Чтоб было солнце от восхода до захода.
На всей Земле пускай мы будем земляки,
И в наших душах — соловецкая погода!

2008
Соловки

ГЕГАРД*

Сладкоголосой Алине

Там, внизу, вьётся ниткой Азат
Под колёсами нашей машины.
Закрывают дорогу назад
Скальных гребней крутые вершины.
Поворот, поворот, поворот,
Крутит лихо водитель баранку.
Вот ещё поворот, и вот —
Островерхий шатёр Айриванка**.

Сотворённая в цельной скале
Куполов и колонн партитура.
Как молитва о грешной земле —
Внутрискальная архитектура.
Жмутся тени по темным углам,
В центре — сноп лучезарного света.
Тишиною наполненный храм
Ждёт свершения древних заветов.

Тишина, тишина, как волна,
Волшебство нарождённого звука,

* Гегард — Монастырский комплекс в горах
Республики Армения. — Авт.

** Айриванк — Древнее название Гегарда. — Авт.

Будто кем-то задета струна
Или звуки раздались дудука*.
Будто свет огонёчка свечи
Вдруг зажёгся во мраке забвенья,
Будто слово в кромешной ночи
Перед актом начальным творенья.

Я не знаю, что было со мной,
Я стоял и внимал оробело —
Пел нам ангел, живой и земной,
Пела стройная девушка в белом.
Распахнулись небес купола,
Ввысь молитва мольбу возносила.
То Марии молитва была,
Что Иисуса Христа воскресила.

... Остаётся Зварнотц** за бортом,
Остывает закат за горами,
Остаётся лишь память о том,
Что случилось в таинственном храме.
И не гаснет восторга свеча —
Испытал я такое впервые.
И в душе продолжает звучать
Та армянская «Аве Мария».

2008

Ереван – Черноголовка

* Дудук – армянский музыкальный инструмент. — Авт.

** Зварнотц – ереванский аэропорт. — Авт.

ПОКРОВОМ БЕЛЫМ

Как хорошо, когда покровом белым
Укроется осенний хлам и тлен,
Когда душа зовёт больное тело
Идти навстречу ветру перемен.
Твой мозг заполнит истина простая,
Что жизнь проста, когда она пуста,
Что за деньгами беготня пустая:
Всё — по Экклезиасту — суeta.

Как хорошо, что в кружеве метелей
Твой мозг от мелочей освобождён,
Ты вспомнишь — для какой-то важной цели
Ты матерью в страданьях был рождён.
Как хорошо, что в староверской вере
Была воспитана моя родная мать.
Я этот дух воспринял в полной мере,
И силы духа мне не занимать.

Как хорошо, что я родился русским
И по обычаям, по сердцу и уму.
Сто пятьдесят могу и без закуски,
Хоть понимаю — это ни к чему.

Пусть заметает снегом белым-белым
Всю суету суёт моей земли,
Чтоб только души наши вместе с телом
Не замели снега, не замели.

*Ноябрь – декабрь 2008
Черноголовка*

ХОЛОДНАЯ НОЧЁВКА

Ты спросила: «Что есть горы?»
Я сказал тебе, что это —
Ледяные минареты
Над равнинами планеты.
Я сказал тебе, что горы —
Храм любви в подлунном мире,
На Урале и в Сибири,
На Тянь-Шане и Памире.
Я сказал тебе, что горы —
Не Шехерезады сказки —
Это друг с тобою в связке
На вершинах, на кавказских.
Я сказал тебе, что горы —
Это университеты,
Где ты сам найдёшь ответы:
Кто мы? Где мы? Кто ты? Где ты?

Ты спросила: «А бывает
Так, что горы убивают?»
Я сказал тебе на это:
«Уж недолго до рассвета...»

*Январь 2009
Черноголовка*

ХМУРОЕ УТРО

Весенним утром, сумрачным и мглистым,
В твоей башке пустынно и убого,
В твоей душе неясная тревога,
И сердце растревожено твоё.
Скорей вставай, прикинься оптимистом,
Надень рюкзак и снова в путь-дорогу,
И новый день светлеет понемногу,
А это значит — солнышко встаёт.

Идёт оно по облачным ступеням,
В природе предвещая перемены,
И перемены будут непрерывно,
И перемены мы, конечно, ждём.
...Умыто небо дождиком весенным,
И стало утро необыкновенным,
Хоть облака — остатки мутной пены —
Ещё не смыты ласковым дождём.

*Май 2009
Черноголовка*

ПУПОВИНА

При рождении дочки иль сына
Материна рвётся пуповина —
Отделилась первая ступень.
Первый вдох, и первый крик ребёнка
Возвестит земле и небу звонко,
Что пошёл ребёнку первый день.
Пусть ступень с ракетою рассталась,
Материна кровь во мне осталась,
И звенит духовной связи нить.
Нет родства родней на целом свете,
И пока над нами солнце светит,
Эту связь ничем не заменить.
Ты от нас свои тревоги прячешь,
И, конечно, ты украдкой плачешь,
Нас отправив: «С Богом!» в путь большой.
...Никогда не рвётся пуповина,
Что связует дочку или сына
С материнской трепетной душой.

*Май 2009
Черноголовка*

КАК ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ?

Володе Жданову

Как жизнь прожить? Решали все мы,
Почти по Гамлету, дилемму:
Кому-то — в атомов проблему,
Кому — в ЦК, кому — в богему,
Кому — лохматить теорему,
Кому — писать свою поэму,
Кому — загранпоездок тему,
Кому — химическую схему,
Кому — ломать в стране систему.
Но вот мы все прошли экстремум,
А дальше что?
А дальше — что?
Что дальше:
Яма иль плато?

*2009
Москва*

ТРУДНОЕ РЕШЕНИЕ

Ты заспешила к Фрунзенской, в метро,
Тебе привычно помахал рукой я,
И льдом сковало все мое нутро —
Мне сон ночной мой не давал покоя.
Мне снилась запоздалая весна
И зелень, запорошенная снегом.
Во сне мне было просто не до сна,
Я замерзал и согревался бегом.
А наяву, как ты ни нажимай,
Вслед за тобой спешат твои вопросы,
И хоть прекрасен славный месяц май,
Вопросов трудных вертятся колёса.
По всей Москве сиреневый пожар
Раздул игривый ветерок весенний,
Но только жаль — бензиновый нектар
Перебивает аромат сирени.
В садах и скверах майская весна
Зелёным, ярким пламенем горела...
Стал смутным след полуночного сна,
Во мне решенье ясное созрело.

*Май 2006 – октябрь 2009
Москва – Черноголовка*

ЭТА ЖЕНЩИНА

О, эта женщина в наряде откровенном!
Ведь только взгляд один, и ясно — who is who.
Пьянит парфюм твой необыкновенно
И побуждает к первородному греху.

И обжигает до глубин виденье этих
Чуть приоткрытых сфер божественной груди.
Зелёных юношей и стариков столетних
Готова ты лукавым взглядом наградить.

В концертном зале, на работе ли, на пляже
Носить одежду ту, которая модна,
И никогда не забывать о макияже,
Пусть даже в сумерках ты дома и одна.

Что заставляет быть «на цирлах» неустанно,
Вращать вокруг себя скопления планет?
Повсюду чувствовать себя всегда желанной —
Других же стимулов в природе просто нет.

Тебе, о, женщина, готов дарить букеты,
В тебя влюбиться и с тобою переспать,
Но все же лучше, если где-то вдалеке ты,
И место встреч у нас — не брачная кровать.

2009
Москва – Черноголовка

СОН В ЗИМНЮЮ НОЧЬ

Чародейкою Зимою
Околдован, лес стоит...
Ф. Тютчев

В царстве сосен и елей
Закрыли метели наш путь.
Затерялась в сугробах
И в сумерках синих дорога.
Видишь, вышла луна?
Что дорога трудна — позабудь.
Нам осталось чуть-чуть,
Нам осталось совсем уж немного.

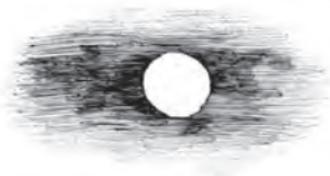
А луна, как игрушка,
На ели верхушке висит.
Снежно-белый покров
Стал для ёлок мертвящимnochлегом.
Пусть утихла метель,
Ты уснувшую ель потряси,
И с верхушки луна
Непременно осыплется снегом.

Сразу станет морозно
Под россыпью звёздной вокруг.

Нас попутает леший,
Закрыв снеговым одеялом.
В этой чаще лесной
Сладок сон ледяной, мой друг.
И морозу назло,
Как у печки, тепло стало.

Освещённый луною
Весь мир надо мною блестит.
Это звёзды на небе
В чертогах неведомых Бога.
Наш окончен поход,
Тишина нам поёт, шелестит.
Нам и правда с тобой
Остаётся совсем уж немного.

*Ноябрь 2005 – март 2009
Черноголовка*

СВЕЧЕЧКА

Возожгла моя матушка новой жизни свечу.
Этой жизни педали я неустанно кручу.
И в погоду, и в непогоду все не гаснет свеча,
И зима не морозна мне, и любовь горяча.
Пусть бегут вереницею за годами года,
Как курьерские, скорые вдаль бегут поезда.
Пусть зажгут светофоры мне свет тревожной зари,
Ты гори, моя свечечка, не сгорая, гори.
Даже если авария мне случится в пути,
Даже если от старости никуда не уйти,
Пусть суютят мне архангелы пропуск с визами в рай,
Ты гори, моя свечечка, ты гори, не сгорай!

*Октябрь 2009
Черноголовка*

ЯНВАРЬ

Туман морозный заклубился в час рассвета,
И стало все вокруг серебряного цвета,
И стали призрачными скверы и дома,
Ну наконец-то долгожданная зима.
В наряд невест оделись ели и берёзы,
Румянят щёки нам крещенские морозы.
Матрёшки-женщины, ну прямо — хохлома,
И сводят девицы-красавицы с ума.

По-новогоднему природа разодета,
И чернь ветвей слегка подчёркивает это.
Светила круг над белоснежным миром встал,
Как лучезарный, как светлейший лик Христа.
Кристаллы льда сияют спектром квантов света,
От красно-жёлтого до сине-фиолета,
А иордань крутым дымится кипятком,
Твоя душа стремится к Богу босиком.

Вот вечереет, и длинней ложатся тени
На настроенья нисходящие ступени,
А в час заката все окутывает мрак,
И интерьер — не храм хрустальный, а кабак.

Так в час прощальный нашей жизни, в час вечерний,
Увы, негусто серебра, но сколько черни!
Мы растворяемся во мраке без следа,
А в небе снова — Вифлеемская звезда.

*28 января 2010
Черноголовка*

ЗВЕЗДЫ

Послушайте!
Ведь, если звезды зажигают —
Значит это кому-нибудь нужно?

В. Маяковский

Песни со звёздами! Танцы со звёздами!
Звёзды желающим всем будут розданы,
Звёзды не могут остаться бесхозными,
Вот и ко мне опустилась звезда.
Танцы со звёздами! Песни со звёздами!
Будто бы мы лишь для этого созданы.
Вместе с другими системами звёздными
Кружимся, кружимся, вот это да!

Песни со звёздами! Танцы со звёздами!
Песенных див не боимся наркоза мы,
Не увлечёмся мы сладкими грёзами.
Мы, мужики, мы все время в бою.
Танцы со звёздами! Песни со звёздами!
Всех озадачим шампанского дозами,
Всех удивим откровенными позами
И не удержим себя на краю.

Песни со звёздами! Танцы со звёздами!
Будем нервозными, будем стервозными,
Встретимся рано мы, встретимся поздно мы,
Млечным путём нам идти по пути.
Танцы со звёздами! Песни со звёздами!
Будем нестрогими и несеръёзными,
Будем отвязными и отморозными,
Только безвестными, как ни крути.

Март 2010 – январь 2011
Черноголовка

ЖЕНЩИНА И МОДА

Моей Русико

О, сердце Женщины — пленительный капкан!
О, руки Женщины — сладчайшие оковы!
О, мысли Женщины — стремительный канкан!
Твоих одежд таинственные покровы.
Ты ар-деко дитя, ты песня без конца,
Ты — стиль Coco Chanel и проповедь имама,
Ты — во плоти созданье Высшего Творца,
А Мода — упаковка и реклама.
Расцвел души твоей божественный цветок
Видений вечности и данности момента.
В твоих моделях слиты Запад и Восток,
Цвета палитр и Рериха, и Кента.
Что хочет Женщина — того желает Бог,
Но как желания Всеевышнего проверить?
Я в них поверил бы! О, если б только смог
Поверить в то, во что нельзя поверить.

*Май 2010
Москва*

МОЙ КАЛЕНДАРЬ

По весне на лыжне след темнеет и тает.
С ёлок сыплется снег — красота облетает.
Запоют соловьи по весенним рассветам,
Засмеётся в лесу долгожданное лето.
А потом вальс-бостон будет в жёлтом и красном,
Будет осень щедра, будет осень прекрасна.
Посинеет закат, затанцуют снежинки,
Захрустят под ногой тонкопёрые льдинки,
Занавесят леса снежных лент хороводы —
Снова праздник зимы у Хозяйки-Природы.
Но вернётся весна, все опять повторится —
И растаявший снег вновь водой обратится.
Снова в наших краях вся природа проснётся.
...Только юность моя никогда не вернётся.

*Июнь 2010
Черноголовка*

ПУСТИТЕ СЕРЁЖУ В ИНЕТ

Милый друг мой, свет Серёжа,
С сетью старой жить негоже,
С ней сейчас в пучине зыбкой
Не поймать златую рыбку.
Рыбке те и рыбки эти
Обитают в Интернете,
И улова нынче нету,
Кроме как по Интернету.
Убегай скорее прочь ты
От услуг обычной почты,
Будет жизнь разносторонней
С новой почтой — электронной.
Будешь ты торчать от счастья,
На Фейсбуке встретив Настю,
И без лишних разговоров
Встрянешь ты в ряды скайпёров.

*2010
Москва*

ВЗГЛЯД ИЗВНЕ

Свет мигнул и погас. Вот так штука! Ни звука, ни боли,
Ни каких ощущений, ни чувств в этом странном приколе.
То ли это Земля от меня — земляка — улетает,
То ли сам я лечу, и навстречу мне бездна пустая.
Я лечу в пустоте, будто вправду меж раем и адом.
Ни туда, ни сюда мне, по чести признаться, не надо.
Я лечу и кричу, но в ответ — не дает мне ответа
Улетевшая в дальнюю даль голубая планета.

Светят звёзд светофоры в просторах космических странствий
На маршрутах в информационном пространстве.
Вижу, жизнь на Земле без меня изменяется мало,
В том числе от Кавказа до синих увалов Урала,
В кабинетах Кремля и в бараках на уровнях низких,
У родных и друзей, хоть далёких — по-прежнему близких.
Допиваются реки, мутнеют байкальские воды,
Доедаются недра у щедрой землянской Природы.

Всё в порядке вещей, на Руси так и было исконно,
Всё текло, как текло, по кривым незаконным законам.
Вот родных и друзей хорошо различимые лица,
Собрались за столом, чтоб меня помянуть, помолиться
И небесного царства мне пожелать, то бишь рая.
Я ж на самом краю, и куда повернуть мне — не знаю!

Я не вижу в пространстве местечек для рая и ада,
Только черные дыры да звезды, но мне их не надо.

И мерцает, мерцает информационное поле
Сетью ямок локальных в космическом мегабейсболе.
Пропадают миры и рождаются снова и снова,
Ну а поле живёт — это памяти нашей основа.
Значит, я буду жить в этой памяти вечно, доколе
Будет крайне бескрайним информационное поле.
Значит, кто-то когда-то найдёт файлы памяти эти.
Значит, жили не зря мы на нашей прекрасной планете.

*Июнь 2010
Черноголовка*

КРАСНОЕ ВИНО

Набегает, налетает мглы вечерней тень,
За окном в тумане тает уходящий день.
Я смотрю в окно — пусто и темно.
На столе в моём стакане красное вино.

Прилетает, наступает откровенъя час.
Мне сейчас так не хватает взгляда ясных глаз.
Я смотрю в окно — пусто и темно.
И опять в моём стакане красное вино.

О тебе мне лёгкий ветер прошептал листвой,
И возник передо мною милый образ твой.
Я смотрю в окно — пусто и темно.
И опять в моём стакане красное вино.

Как в тумане растворилась, улетела грусть,
Ты ушла и не вернулась, жалко, ну и пусть!
Я смотрю в окно — пусто и темно.
Но зато в моём стакане красное вино.

*Викурéби панджараáши, цариéли гамеá.
Магидáзе чемс чикáши ак цитéли гвиноá.
Я смотрю в окно — пусто и темно.
На столе в моём стакане красное вино.*

*2010
Тбилиси – Поти – Черноголовка*

РАЙ ЗЕМНОЙ

Идёт девчонка по Никитскому бульвару,
Как куст сирени, источающий нектар.
В весеннем воздухе цветочному нектару
Не помешал густой бензинный перегар.
В её глазах таится благость неземная,
Как огонёк, ещё не вспыхнувший огнём.
И сразу видно, что она пока не знает,
Какие страсти затаил её геном.
Праматерь Ева, что стояла у Начала,
Весь женский род сманила следом за собой,
И всем феминам Мама Ева завещала
Познать всё то, что предназначено судьбой.

Какие чувства родились у юной Евы,
Когда донёсся тихий Змея шепоток?
Какие страсти бушевали в сердце девы,
Когда сняла она свой фиговый листок?
Какое Ева испытала наслажденье,
И вновь и вновь ложась с Адамом на цветы,
Воспринимая телом все его движенья
И не стыдясь своей прекрасной наготы?
Пылала Ева, вся от счастья замирая,
Подав пример потомкам — жителям Земли.
Прогнал Господь её с позором прочь из Рая,
Но рай земной они с Адамом обрели.

Шальными мыслями себя перегоняя,
Не чуя ног, верчу ногами шар земной.
Я за девчонкой еле поспеваю,
А у неё — как будто крылья за спиной.
На крыльях юности несёт её куда-то,
За ней угнаться мне, увы, не по годам,
И ясно вижу я, что где-то у Арбата
Её догонит новоявленный Адам.

*Июль 2010. Январь– март 2011
Грузия – Поти. Черноголовка*

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРЕВАЛ

Всё тот же сон сегодня снился мне:
Рюкзак тяжёлый на моей спине,
Рюкзак с поклажей радостей и бед.
Их столько собралось за много лет!
Передо мной тропинка нелегка,
Сгибает спину тяжесть рюкзака,
Крутые склоны на моём пути,
Всё тяжелей и тяжелей идти.

Из тьмы небесной льётся звёздный свет,
К Земле летящий миллионы лет.
В пустынном мире снега, скал и льда
Мне светит путеводная Звезда.
Во всем пространстве не было и нет
Ни звёзд других, ни Солнца, ни планет,
Лишь только свет таинственной Звезды
Хранит меня в дороге от беды.

А впереди, средь мрачных черных скал
Во тьме белеет снежный перевал.
Я поднимусь, хоть это и во сне,
Лишь только бы Звезда светила мне.

А перевал — не сладкая хурма —
Там чёрный поднимается туман,
И скоро свет Звезды наверняка
Ночные перекроют облака.

О чём мне сон мой странный возвещал?
Не о конце ли всех земных начал?
Что там, за перевалом — только тьма,
Лишь чёрный снег и чёрная зима.

Июль 2010 – апрель 2011
Черноголовка

ВЕЧНЫЙ БЕГ

Мы живём взаперти у житейских забот,
Мы с тобою, мой друг, в состоянии вечного бега.
Нам бы в горы уйти, за крутой поворот,
Оказаться бы вдруг среди скал, среди синего снега!

Где хребтов океан, как гранитный мираж,
Где в палатке ребят угощаю я утренним чаем...
Но все чаще туман застилает пейзаж,
И тогда лишь тебя, лишь тебя я во мгле различаю.

Обо всем позабыть, что осталось за мной,
Жаром стынуть в золе, отвергая судьбы приговоры,
И все крепче любить той любовью земной
Этот рай на земле, эти сказочно белые горы.

2011
Черноголовка

ЖИЗНИ ОКЕАН

Мелководным не бывает океан,
Это всё-таки не заводь, не лиман,
И зависима от этой глубины
Амплитуда растревоженной волны.
От Природы нам с рождения дана
Наших душ и ширина и глубина.
Уравненьем тем же самым опиши
Связь страстей своих с глубинами души.
Океанская, солёная вода
Спрогнозирует без всякого труда
В перекрестьях наших жизненных дорог
Гром страстей или покой надутых щёк.
Вольный ветер нам подарят небеса,
Чтоб не щёки надувать, а паруса,
Чтоб, стихиям вопреки, наш утлый чёлн,
Шёл по курсу, а не плыл по волне волн.
Даже если эти волны велики,
Чтобы чувства наши не были мелки,
Чтоб чертям и водяным морским назло
Нам в конечном счёте крупно повезло.

*Июнь 2011
Черноголовка*

MUJERES MEXICANAS*

Я снова паломник твой, Мехико-сити!
В тропическом высокогорном краю,
Вдали от забот и текущих событий
Я здесь пребываю почти как в раю.
Иду и не вижу двух зданий похожих,
Вздымаются круто в зенит этажи.

Приветливы лица случайных прохожих,
И ты улыбнёшься, как будто ожив.
Мне машут зелёными гривами пальмы,
Приветствует улиц скульптурный наряд,
И вслед за метробусом следуем вдаль мы,
Где стекла гостиниц на солнце горят.

Толпою влекомы, шагаем легко мы.
Не важно, в каком мы сегодня году.
Навстречу, как будто я старый знакомый,
Улыбки даря, mexicanas идут.
Их форм пышнотелых холмистость крутая,
Хоть сзади, хоть спереди, как ни смотри.

* *Mujeres mexicanas* (исп.) — мексиканские женщины.
— Ред.

Под взглядом красоток и айсберг растает,
Не то, что у парня растает внутри.
Любуюсь не их разноцветьем нарядов,
Любуюсь массивными формами их.
Когда-то таким же восторженным взглядом
Отметил Кустодиев русских купчих.

С индейских корней мексиканкам завещан
Обет — эту кровь сохранить на века.
Здесь мало с коляской гуляющих женщин —
Надёжней детишек носить на руках.
Меж прошлым и будущим — крепкие нити.
Страну небоскрёбов, страну пирамид,

Страну Акапулько и Мехико-сити
Быть может, мне вновь посетить предстоит.
Вам, женщины Мексики, стих посвящаю,
За ваше здоровье — текилы brindar!*

Пространство и время в уме совмещаю,
Да только молчит мой прогностик-радар.

*Февраль 2012 – Апрель 2012
Мехико – Черноголовка*

* Не иначе как « выпить»!..
Brindar (ucn.) – предлагать — *Ped.*

ПЕСНИ

ОГОНЬКИ

Мне стало грустно отчего-то...
Здесь тополя стоят в цвету,
Расправил крылья для полёта
Родной навеки Институт.
Мы здесь, любимая, бродили,
Когда вокруг сады цвели,
Смотреть отсюда мы любили,
Как в затуманенной дали —

Огоньки городские мерцают,
Огоньки, точно звёзды, сияют,
Огоньки золотые горят
И как будто бы мне говорят:
«Смело в путь, мы тебя провожаем!
Весел будь, мы твой путь освещаем!»
О, как сердцу милы и близки
Дорогих городов огоньки.

Неповторимые минуты...
Передо мною путь далёк.
Прощайте стены Института,
Прощай родной Втузгородок!
До скорой встречи, дорогая,
Ещё хочу тебе сказать,
Что не забуду никогда я,
Как в озорных твоих глазах —

Огоньки городские мерцают,
Огоньки, точно звёзды, сияют,
Огоньки золотые горят
И как будто бы мне говорят:
«Смело в путь, мы тебя провожаем!
Весел будь, мы твой путь освещаем!»
О, как сердцу милы и близки
Дорогих городов огоньки.

*Зима 1953
Свердловск – УПИ*

УЛЛУ-ТАУ

Кудряшек рыжих сказка, ты под каской не видна,
Глаза твои, как родники, прозрачные до дна.
В глазах горят огни, не для меня горят они.
А на ногах не туфельки — ботинки-триконй*.
Зачем я на почёвке все ворочался, не спал?
Дыхалки не хватает, поскорее бы привал,
Скорей бы смена связок — барабан стучит в висках,
Все круче эта снежная, ледовая доска.

Уллу-Тау, Уллу-Тау — белая стена,
Уллу-Тау, Уллу-Тау — над стеной луна,
Уллу-Тау, Уллу-Тау — а под снегом лёд,
Уллу-Тау, Уллу-Тау — мы идём вперёд.

Вбиваю что есть мочи на три такта ледоруб.
Слова совсем другие, не такие рвутся с губ.
Пинаю я рантами ледяную грудь горы,
И льют на нас зелёный свет далёкие миры.
А ты идёшь, не ведаешь моих забот и мук,
Забил я, сам не знаю как, стальной ледовый крюк.

* Триконй — горная обувь с металлическими набойками для цепкости. — Ред.

Тебя я принимаю на страховке у крюка,
А впереди опять доска, проклятая доска.

Ты вылезла играючи, а мне — хоть падай вниз!
И не совсем случайно мы с тобою обнялись,
И с этого мгновения ты стала мне близка,
Ты вовсе не холодная, и вовсе не доска!
Рассвет окрасил розовым крутую грудь горы,
До гребня оставалось нам верёвки полторы,
И ноги сами топали, вбивались в лёд крюки,
Теперь мы будем связаны доскою до доски.

Кавказ
1976

ПЕСНЯ РАЗРЯДНИКА

А я в горах уже не новичок,
А мне в горах известны все преграды.
Я на любом отвесе бью крючок —
И мне теперь инструктора не надо!
Могу пещеры рыть в любом снегу,
Могу пройти крутые ледопады.
Я на передних зубьях спать могу —
И мне теперь инструктора не надо!

Я, как струна, на скрипки гриф натянутый,
Ремнями, как десантник, перетянутый,
Железом, как гранатами, увешанный,
И ледоруб, как штык, наперевес.
Передо мной бергшрунда* щель здоровая,
За ней стена почти километровая,
И ледопад застыл в порыве бешеном,
И гребень вверх взметнулся до небес!

Я головой пробью любой карниз,
На гребень выйду, не прося награды.
Вперёд и вверх! Потом, конечно — вниз,
И мне тогда инструктора не надо!

* *Бергшрунд* — разрыв между частями ледника. — Ред.

Я честь по чести дюльфер^{*} заложил,
Я вниз ушёл, а вы не смейтесь, гады!
Дойти бы только целым до перил —
И мне тогда инструктора не надо!

*Декабрь 1978
Сухуми – Агудзера*

^{*} *Дюльфер* – скоростной спуск по верёвке на отвесных стенах. — Ред.

МОЙ МИР

Я снова мир себе соткал
Из снежных лент, из зубьев скал,
Из трещин и ледовых стен,
Из хаоса морен.
Пройдёт туман, уйдёт гроза,
Насыплет ночью звёзд в глаза,
Здесь солнца луч и свет луны,
Здесь грохот тишины.

Я снова свой рюкзак несу
Ущельем речки Адыр-су,
Стекает с ледников она,
От ярости хмельна.

Я снова у друзей в долгу
За каждый новый шаг в снегу,
За каждый удержанший крюк,
За ровный сердца стук,
За то, что камень шёл не в цель,
Что след не замела метель,
Вам вечно благодарен я,
Друзья, мои друзья!

*1980
Сухуми – Агудзера*

ПАТАРА МЕДИКО*

Мою судьбу с твоей судьбой
Связали горные снега,
И высота, и красота вершин.
Мы к ним добавили с тобой
Всё то, чем жизнь нам дорога —
Огонь любви, тепло своей души.

Медико! В глазах твоих немой укор.
Медико! Вновь дует ветер с гор.
Медико, с тобой расстаться нелегко.
Медико, патара Медико!

Когда к вершине труден путь,
Когда вперёд идти не в мочь,
Когда все горы затянула мгла,
Моей звездою ясной будь,
Мне прятаны лучи сквозь ночь
И тихо повтори любви слова.
Как эти горные хребты
И эти снежные поля,

* Патара (груз.) — маленькая.
На мелодию песни о Тбилиси. — Авт.

Как это солнце над блестящим льдом,
Мы будем вместе — я и ты,
Мы будем рядом — ты и я,
Когда я снова возвращусь в наш дом.

1981

Сухуми — Агудзера

ДОМБАЙСКАЯ ХИЖИНА

Памяти И. Самова

Пригоршня жемчужин — ледник Алибек.
Здесь время свой быстрый замедлило бег.
Вершины, как пальцы ладоней воздетых,
Серебряным снегом одеты.

Домбайские ели,
Домбайские ели,
О чём вы, о чём вы
Шумели.

Альпийских лугов сладковатый дурман,
Цепочка следов, уходящих в туман,
Прыжок в неизвестность в объятьях лавины...
У смерти не спросишь причины.

Над хижиной горной не вьётся дымок,
На лицах усталость и в горле комок.
Их четверо было — друзей неразлучных...
Мы плачем, мы плачем беззвучно.

1983
Кавказ

УРАЛЬСКИЕ ОГОНЬКИ

Мы, друзья, никого, ничего не забыли.
Здесь стоят тополя, как и прежде, в цвету.
Широко распахнув в синеву свои крылья,
Нам навстречу летит наш родной Институт.
Пусть про нас говорят, будто мы постарели.
Запорошены пусть белым снегом виски.
Лишиь бы в сердце у нас, как и прежде, горели
Огоньки, огоньки, огоньки.

Пусть нам огоньки нашей юности светят,
Пусть старые песни звучат веселей.
Мы снова, друзья, на родном факультете,
Его юбилей — это наш юбилей.

Пусть вокруг незнакомые юные лица,
Все, как было тогда, даже чуть зеленей.
Как хотелось бы вновь на земле повториться,
Как хотелось бы вновь познакомиться с ней.
Нас уносят года друг от друга все далее,
Только память не чахнет годам вопреки.
Есть у сердца маяк — на далёком Урале
Огоньки, огоньки, огоньки.

1983
Сухуми – Свердловск

ИСПАНИЯ

Все огорчения — к чёртовой матери,
Куплен в загранку билет.
Темень лохматая в иллюминаторе,
Где ты, Россия, во мгле?

Бесаме, бесаме мучо...
В памяти ожил напев из студенческих лет.
Бесаме, бесаме мучо...
Сердце встревожил оставшийся в памяти след.

А за бортом проплывают видения —
Полосы красной земли,
Замки прекрасные до обалдения,
Горы в туманной дали.
Это Испания, словно в тумане я,
Словно сквозь волны плыву,
Как на экране кино без названия
Вижу во сне наяву.

1992
Черноголовка – Мадрид

ПЕСНЬ ОБ АВАДХАРЕ

Агадхара, Агадхара —
Мне запомнилась недаром.
Вечер тёмный, вечер поздний,
Впереди гора стеной.
То ль весною, то ль зимою —
Все за снежной пеленою.
Мы идём тропою звёздной,
Хоть звезды нет ни одной.

Рица, Рица, Рица, Рица —
Дай водицы мне умыться.
Рица, Рица, Рица, Рица —
Ты мне раны залечи.
Рица, Рица, Рица, Рица —
Будь мне милая сестрица,
Рица, Рица, Рица, Рица —
Ты укрой меня в ночи.

Там, внизу, цветёт мимоза,
Здесь дрожим мы от мороза.
Там и море, там и пальмы,
Здесь до пояса снега.
Здесь и ветер, здесь и выюга -
Невозможно здесь без друга.
И бредём с надеждой вдаль мы,
Хоть не видно ни фига.

Рица, Рица, Рица, Рица —
Дай водицы мне умыться.
Рица, Рица, Рица, Рица —
Ты мне раны залечи.
Рица, Рица, Рица, Рица —
Будь мне милая сестрица,
Рица, Рица, Рица, Рица —
Ты укрой меня в ночи.

Верю — близко домик старый,
Он в ущелье Агадхары.
Там приют и чай горячий,
Там друзья не спят в ночи.
И пригрезилось мне что-то —
Выйдет дева за ворота,
Фонарём мне помаячит
И сквозь ветер прокричит:

Рица, Рица, Рица, Рица —
Дай водицы мне умыться.
Рица, Рица, Рица, Рица —
Ты мне раны залечи.
Рица, Рица, Рица, Рица —
Будь мне милая сестрица,
Рица, Рица, Рица, Рица —
Ты укрой меня в ночи.

1995
Черноголовка

ВЕРШИНА МНР*

Вершина МНР и белая палатка,
А под ногой внизу Баксанско шоссе.
Последний синий луч лизнул уступ наш шаткий,
И вот затихло все, и вот затихли все.
Не слышен в тишине привычный шум Баксана,
Автобус-светлячок, ползущий вдоль реки,
Нейтринки-огоньки за пеленой тумана,
А звезды так близки, а звезды так близки.
Я в мыслях вновь и вновь ищу зацеп надёжный,
Я трещину ищу для звонкого крюка,
Я вслух зову тебя, и на душе тревожно,
А ты так далека, а ты так далека.
Мы утром снова вниз, где люди и машины,
Где плоский мир, где дно, где пьют вино до дна.
Со мной мои друзья в палатке на вершине,
Но ты во мне одна, но ты во мне одна.
Вершина МНР и белая палатка,
И розовый Эльбрус во всей своей красе.
Ушёл ночной туман, и все опять в порядке —
И вот проснулось все, и вот проснулись все.

1997

Черноголовка

* МНР — Пик Монгольской Народной Республики. — Ред.

ПЕРЕВАЛ ГАРВАШ

Над долиной — гранитные скалы,
Самолета прощальный вираж,
Мы выходим из Местия в Джайлык,
Впереди — перевал Гарваш.
Впереди, за развалом морены
Ледника грязно-серый бетон,
Кулуаров отвесные стены,
Между ними лавинный склон.

Гарваш, Гарваш, Гарваш,
Ты — преграда на нашем пути.
Гарваш, Гарваш, Гарваш,
Ты не хмурься и нас пропусти.

Перевальный туман и метели
И предательский снежный карниз.
Мы упрямо идем к нашей цели
Мимо трещин заснеженных вниз.
Вновь улыбки на лицах усталых,
А в долине дома — не мираж,
Перед нами альплагерь Джайлык,
Позади — перевал Гарваш.

1997
Черноголовка

АДЫР-СУ

Адыр-су спешит к Баксану, Адыр-су,
То в долине, то в теснине, то в лесу,
То срывааясь водопадами с камней,
И к тебе бежит навстречу и ко мне.
Ледники в её истоках, ледники,
Опустили, как в истоме, языки,
Изливаясь серебристою слюной,
И с тобой ведут беседу и со мной.

На мысу, к камням гранитным, на мысу,
Незабудки я к могилам принесу.
Средь имён друзей на памятных камнях
Ни тебя пока что нету, ни меня.
На дозоре Уллу-Тау и Чегет.
Мы поём, а горы нам молчат в ответ.
Рядом с нами наши старые друзья,
Мы поём, а значит, живы — ты и я.

*1999
Кавказ*

УРАЛЬСКИЕ ФИЗТЕХИ

Мы снова здесь весёлою гурьбой
У юбилейной факультетской вехи.
Ведь мы с тобой,
Ведь мы с тобой,
Ведь мы с тобой уральские физтехи.

Ночей уральских сумрак голубой,
Полночных встреч забытые успехи.
Ведь мы с тобой,
Ведь мы с тобой,
Ведь мы с тобой уральские физтехи.

Мы сплочены единою судьбой,
А значит — прочь преграды и помехи!
Ведь мы с тобой,
Ведь мы с тобой,
Ведь мы с тобой уральские физтехи.

Нам нет покоя, только вечный бой.
И рано нам снимать свои доспехи.
Ведь мы с тобой,
Ведь мы с тобой,
Ведь мы с тобой уральские физтехи!

*Май 1999
Москва*

МОЯ ЧЕРНОГОЛОВКА

Над Родиной лечу и с птичьего полёта
Пытаюсь разглядеть, ну где ж там человек?
Зелёные леса, зелёные болота,
Отроги синих гор и ленты синих рек.
А где ж следы людских дерзаний и деяний?
Где затерялся мой уютный городок?
С небесной высоты так много расстояний,
Так мало городов, заводов и дорог.

В урочищах лесных запряталась ты ловко,
Ты — город мой, ты — город мой,
Моя Черноголовка!

Я мысленно спешу по улицам знакомым
К высоким корпусам дорожкою прямой.
Душой стремлюсь к тебе, и вот уже я дома,
И снова мы вдвоём, и снова ты со мной.
Мой город, ты рождён, чтоб быть наукоградом,
Здесь правит интеллект, союз наук и муз.
Твой праздник, твой расцвет — нам лучшая награда.
Коллеги и друзья, прекрасен наш союз!

Ведь ты в моей судьбе — последняя парковка,
Ты — город мой, ты — город мой,
Моя Черноголовка!

2002
Пекин – Черноголовка

АКСАКАЛАМ АЛЬПЛАГЕРЯ УЛЛУ-ТАУ

Говорят, в горах Балкарских есть ущелье Адыр-су.
Никакой волшебной сказке не затмить его красу.
Там альплагерь Уллу-Тау, аксакалы там живут.
Одного из аксакалов Юрий Ванычем зовут.

А у Юрий Ваныча группы на маршрутах,
А у Юрий Ваныча дополна забот,
У него расписана каждая минута,
А мы к Юрий Ванычу ездим каждый год.

Там в верховьях по ущелью притаились ледники.
Там по стенам с тайной целью лезут в гору мужики.
Там заснеженные скалы, аксакалы там живут.
А другого аксакала Ким Кириллычем зовут.

А у Ким Кириллыча группы на контроле,
В споры с Ким Кириллычем лучше не вступать,
А у Ким Кириллыча не пройдут гастроли,
А мы с Ким Кириллычем встретимся опять.

Там стоят, как брат с сестрою, Уллу-Тау и Чегет.
Там стоят гора с горою очень много тысяч лет.
Так стоять вам, аксакалы, как стоят с горой гора,
Быть вам крепкими, как скалы, быть вам трезвыми с утра.

А у Юрий Ваныча группы на маршрутах,
А у Ким Кириллыча нет других забот,
А у них расписана каждая минута.
Будем в Уллу-Тау мы ездить каждый год!

*Август 2003
Кавказ*

«УДРАЛЬСКАЯ»* РЯБИНУШКА

Борису Хорошилову

Посреди Евразии есть хребет Урал,
Он в Политехническом вместе нас собрал.
Были мы студентами, были мы из тех,
Кем в пятидесятые славен был физтех.

Ой, рябина кудрявая,
Белые цветы,
Ой, рябина-рябинушка,
Нас встречала ты.

Хоть мы крепко-накрепко связаны с тобой,
Нас по всей Евразии разнесло судьбой!
Мы собой заполнили главки и цеха,
Кафедры, правительства, аппарат ЦК.

Ой, рябина кудрявая,
Белые цветы,
Ой, рябина-рябинушка,
Ой, созрела ты.

* «Удральцами» называют себя уральские физтехи, уехавшие в разное время в Москву и Подмосковье. — *Ped.*

Мы, конечно, в возрасте, но не старики.
Нам в пути уральские светят огоньки.
И вокруг Садового встретившись кольца,
Мы, друзья, физтехами будем до конца.

Ой, рябина кудрявая,
Белые цветы,
Ой, рябина-рябинушка,
Отцветёшь и ты.

*Ноябрь 2003
Черноголовка*

СПАСИ МЕНЯ, ШОЙГУ!

Рассказать пришла пора:
Случай был со мной в горах,
Пережил я и отчаянье, и страх.
И молиться я могу
Только Богу и Шойгу,
Эту память я до гроба сберегу!
Выше пояса снега,
Замела следы пурга,
В двух шагах уже не видно ни фига.
Заблудился я в пургу,
Ты спаси меня, Шойгу!
Дальше я ступить ни шагу не могу.
За отвесною скалой
Я укрылся, сам не свой,
Но пока ещё немножечко живой.
А лавины все бегут,
Ты спаси меня, Шойгу!
За скалой я удержаться не мог.
И лавиною сметён,
Я упал на снежный склон.
Хорошо, что мягкий снег, а не бетон!
Я баражтаюсь в снегу,
Ты спаси меня, Шойгу!

Задержаться я на склоне не могу.
Вот и кончен мой полёт,
Вылез я на ровный лёд,
Слышу близко по ущелью вертолёт.
К вертолёту я бегу,
Ты спаси меня, Шойгу!
Только маме ты об этом ни гу-гу.

*Декабрь 2003 – январь 2004
Черноголовка*

ЭЛЬБРУС

На полях ночного неба
Эти звезды так близки.
Никогда я раньше не был
На Эльбрусе, мужики.
Никогда мне и не снились
Этих звёзд ночных глаза,
Никогда не приходилось,
Никогда не приходилось,
Никогда не приходилось
Летней ночью замерзать.

Здесь, в горах, свои законы,
Здесь космический мороз.
Я карабкаюсь по склону,
А душа уже средь звёзд.
Ну так что же тут плохого —
Подо мною шар земной.
Это скалы Пастухова,
Это скалы Пастухова,
Это скалы Пастухова
Мы обходим стороной.

Вот и солнце встало где-то,
Дальних гор видны хребты.

Мы идём по кромке света
И глубокой темноты.
Очень трудно с непривычки,
Шаг — три вдоха, дробь в висках.
Наконец-то перемычка,
Наконец-то перемычка,
Наконец-то перемычка,
И вершина так близка.

Влево вверх по льду крутому,
Справа — камни и карниз.
Вот и все, конец подъёма,
Дальше даль и только вниз.
Навсегда в глазах застынет
Белых гор взметённый вал.
Мы на Западной вершине,
Мы на Западной вершине,
Мы на Западной вершине,
Здесь теперь я побывал.

*Ноябрь 2004
Черноголовка*

ТЫ ПОМНИШЬ, ВОЛОДЯ...

Володе Курбатскому

Ты помнишь, Володя, далёкий Урал,
Где каждый дорогу себе выбирал?
Мы были с тобою, дружище, из тех,
Кто выбрал физтех или радиотех.
Ты помнишь, Володя, общаги огни?
Сквозь дождь и метель нам светили они.
Мы к ним возвращались в полуночный час,
Им было тревожно и грустно без нас.

Давай, мы разделим по-братьски,
Что в сердце твоем и моем.
Давай, мы, Володя Курбатский,
Давай-ка, мы песню споем.

Ты помнишь, Володя, концерты в УПИ,
И нашу бригаду в целинной степи?
Как нам подпевали Урал и Алтай?
Ты помнишь?.. Ты память свою полистай!
Студенческих лет укатившийся круг,
Потери, потери друзей и подруг.
Их песни, их жизни прервались судьбой,
Но память всегда остаётся с тобой.

2004
Москва

СТАРЫЙ ДЖАЙЛЫК*

Сладко спит альплагерь Джайлык
В звёздных, призрачных лучах,
Только в «бункере сухумском» допоздна горит свеча.
Слышен тихий звон гитары. Пой, подруга, не скучай!
Здесь инструкторский, крепчайший, до утра варганят чай.
Куллумкольское ущелье нас встречало в ранний час,
Кичкидарские ночевки так соскучились без нас.
По натоптанным тропинкам в буйном хаосе морен,
Мы — крутыми ледниками — в царство джайлыховских стен.

Старый Джайлык, добрый Джайлык,
Вижу я тебя во сне.

Старый Джайлык, добрый Джайлык,
Я — в тебе и ты — во мне.

Старый Джайлык, добрый Джайлык
Сс восхождений нас встречал.

Старый Джайлык, добрый Джайлык,
Ты начало всех начал.

На маршруте, на страховке, до кости содрав ладонь,
Я на снежник в кулуаре опустил тебя ладом.

* *Джайлык* — название вершины и альп/лагеря в районе ущелья Адыр-су (Центральный Кавказ). Лагерь был полностью разрушен селем в 1983 г. *Кулумколом* — река, по которой сошел сель. *Кичкидар* и *Тю-тю-баши* — вершины в том же районе. — Авт.

И хозяин, князь Тютойский — властелин окрестных гор
Уцелеть помог при спуске, взяв священный уговор.
Пусть смеются над тобою, будто это все прикол,
Есть свидетель нашей клятвы — шумный, бурный Куллумкол.
Клятву чистую, святую мы с тобою сберегли,
А вот Джайлык, старый Джайлык уберечь мы не смогли.

Старый Джайлык, добрый Джайлык —
Груды жертвенных камней.
Старый Джайлык, добрый Джайлык,
Я — в тебе и ты — во мне.
Старый Джайлык, добрый Джайлык —
Слезы чистых родников.
Старый Джайлык, добрый Джайлык,
Ты ушёл во тьму веков.

Август – сентябрь 2006
Черноголовка

ОТ ПЕРВОГО МГНОВЕНИЯ
ДО ПОСЛЕДНЕГО*

Игорю Колупаеву

Мы — мужики, не стая кобелей,
Мы соблюдаем правила движения.
У Игоря сегодня юбилей,
у Игоря сегодня день рождения.
У Игоря особенная стать,
Отмечен лоб его печатью гения,
И чтоб таким, как он, мужчиной стать,
Нам не дано ни воли, ни терпения.
Он — Игорь, не какой-нибудь Адам,
Он Змия перекрестит, вот — и нет того,
Он не пойдет на поводу у дам
И не откусит яблочка запретного.

На нас он не посмотрит свысока,
Как зрил Господь в последний день творения.
Он терпит даже Ваську Кобяка,
Который сочинил стихотворение.
Подобно мощным лазерным лучам

* На мелодию песни «Мгновения» М. Таривердиева из к/ф «Семнадцать мгновений весны». — Авт.

Для Игоря рассветные лучи горят.
И звезды зажигают по ночам
Для Игоря, для Игоря, для Игоря.
Труды его для Родины важны,
Останется в веках грядущих след его.
Мужчины быть мужчинами должны
От первого мгновенья до последнего.

2007

Черноголовка – Подольск

ПЛАНЕТА АГУДЗЕРА

Ранним утром, на рассвете
На космической ракете
Подлетели мы к планете —
И, конечно же, не зря.

Припев.

Над планетой Агудзера
Голубая атмосфера,
На планете Агудзера
Изумрудные моря!

Там, за белыми домами,
За зелёными холмами
И за снежными хребтами
Поднимается заря.

Припев.

Без таможенной проверки
Нас встречают агудзерки,
На абхазском, на мингрельском
И на русском говорят.

Припев.

Под весёлых песен звуки
Мы дадим друг другу руки,
И под парусом науки
Мы поднимем якоря.

*2008 – 1990
Сухуми – Черноголовка*

ВСПОМНИМ УРАЛЬСКИЙ ФИЗТЕХ*

M. Oрехову

Вспомним нашу жизнь на факультете,
Вспомним о прошедшем, о былом,
И всегда воспоминанья эти
Согревают душу нам теплом.

Мишка, Мишка, нам ещё не крышка,
Мы ещё ребята ого-го!
Мы ещё не все сказали, Мишка,
Мы ещё покажем кой-чего!

Для парней с далёкого Кавказа
На Урале зимы нелегки,
Ну а Мишка, тот почти что сразу
Полюбил и лыжи, и коньки.

Вспомним, что на лыжах по Уралу
Он в агитпоходах побывал.
На доске он рядом с интегралом
Рожи наши мелом рисовал.

* На мелодию старого хита про Мишку,
с которым неловко пошутили. — Авт.

Был физтех во всем высоким классом,
Были мы ребята на подбор.
Мишкиным великолепным басом
Славился наш факультетский хор.

Мишка был солидным и красивым
С той поры, когда он был зачат,
Покоряли мощь его и сила
Всех без исключения девчат.

*2009
Москва*

ПРИЛОЖЕНИЯ

Я ПОМНЮ

Василий Кобяков

Алтайская история

Стояло лето 1954 года — второго года освоения целинных земель. На перроне свердловского железнодорожного вокзала в тот день и в тот час было очень оживлённо: провожали в поездку на Алтай концертную бригаду студентов Уральского политехнического института. Напутствия давали представители Свердловского обкома комсомола, по инициативе которого была организована эта поездка, а также представители ректората и комсомольской организации УПИ. Не менее тёплой была встреча на алтайской земле, в Барнауле, во дворе крайкома комсомола. На фото члены бригады (слева направо) Курбатцкий, Голубев, Сенченко, Кобяков, Чекменёв на ступеньках крайкома.

И вот уже закончена погрузка в выделенный нам небольшой автобус. Впереди у нас двадцать горячих рабочих дней по целинному маршруту

длиной более 1000 километров, разработанному руководством края. Заранее оговорюсь, что в этих воспоминаниях делаю тем, что сохранили моя память и краткие отрывочные записи в блокноте.

...Мы уже целый час в пути. Одни поля пшеницы сменяются другими, на одних идёт уборка урожая, другие уже убраны, третьи ещё ждут своего часа, и кажется, что этим полям нет конца. Даже не верится, что ещё совсем недавно здесь была голая степь, целина. Но вот мы подъезжаем к зерносовхозу «Комсомольский». В крайкоме комсомола нам сказали, что здесь работают свердловчане. Этому совхозу ещё нет и года, а на его полях созревает богатейший урожай — 25 центнеров с гектара. Об этом нам с гордостью сообщила наша землячка Алла Силина, заместитель секретаря парторганизации этого совхоза, бывший токарь Свердловского подшипникового завода. Рядом с палатками и полевыми вагончиками нам показали строящийся молодой посёлок, пока ещё весь в строительных лесах. В нём будут школа, больница, клуб. Будут электричество и водопровод. А пока что нам предстоит давать здесь концерт прямо на небольшой ровной площадке рядом с полевым станом.

Концерт давали вечером, после окончания рабочего дня, при свете фар двух автомобилей и трактора. Сердечно приветствует зрителей ведущая концерта Роза Сорокина. Стойко исполняется музыкальная заставка нашим инструмен-

тальным трио: Курбатский — аккордеон, Голубев — труба, Любынский — гитара. Задорно звучит музыка «Уральского перепляса», далеко по степи разносится топот каблуков. Как всегда, прекрасно выступает танцевальный ансамбль, блистают наши звёздочки — Маша Гаёва и Нина Романенко. На фото они справа, аккомпанирует Володя Курбацкий. Льётся плавная мелодия песни свердловского композитора Родыгина «Уральская рябинушка», которую исполняет Вера Рыссенберг. Затем Вера поёт песню «Уральская шуточная» про бригадира, который «не смутится, не вздохнёт». Песня имеет большой успех, кто-то из наших даже услышал, как стоявшая рядом с нами девушка тихо сказала своему парню: «А ведь про тебя песня-то».

Потом я читал свои стихи, потом Игорь Сенченко исполнял мою песню «Огоньки», которая была написана незадолго до этой поездки. Затем Виталий Михайлишев и Володя Тузанкин исполняли шуточную песню «Манечка» Никиты Богословского о сельской девочке, которую колхоз послал в Москву учиться, а она там вышла замуж и «разорвала связь с народом». И далее по программе, которая продолжалась до позднего вечера.

Окрылённые первыми впечатлениями и своим первым успехом, мы всю ночь посвятили творчеству. Дело в том, что ещё в поезде, везущем нас на далёкую и неизвестную целину, родилась идея — сотворить марш нашей концертной бригады. Но

реальное воплощение эта идея получила именно в эту ночь, после всего увиденного и прочувствованного. Слова мы написали вместе с Яшой Голяком, а к созданию мелодии подключилось наше инструментальное трио.

Василий Кобяков и Яков Голяк

**Марш концертной
бригады УПИ**

Зреет на полях широких
Небывалый урожай,
Пролегли пути — дороги
Через Золотой Алтай.
За машиной пыль клубится,
Веет ветер путевой,
И склоняется пшеница
Над дорогой полевой.
Здравствуй, солнечный Алтай,
Новый урожайный край,
От друзей — уральцев принимай
Пламенный привет, Алтай!
Нас встречают новосёлы,
Встречи эти горячи,
Раздаётся смех весёлый,
Песня веселей звучит.
Ни кулис, ни сцен не надо,
Ночью и в полдневный зной
Мы даём концерт бригадам
На поляне на любой.

О земле алтайской память
Нам дороже всех наград.
Встретимся мы снова с вами
В станах полевых бригад.
Пусть не близок путь с Урала,
С вами мы одна семья.
Крепче наша дружба стала,
Вместе запоём, друзья!

В дальнейшем все наши концерты начинались с этого марша в исполнении Игоря Сенченко и всего коллектива концертной бригады.

Раз уж я заговорил о творчестве, то могу сказать, что за эту поездку муга посещала меня не раз и не два. Новые стихи, как горячие пирожки, тут же поступали на реализацию на очередных концертах. Приведу пару написанных тогда стихотворений.

Василий Кобяков

Алтайская ночь

Ночь пахучая, густая
Обняла поля Алтая.
Неподвижен тёплый воздух,
Небо в ярких, крупных звёздах.
Шепчет ласково пшеница,
Ей, усатой, что-то снится ...
Но шумят в степных просторах

Неустанные моторы —
Даже поздней ночью люди
Сон колосьев спелых будят,
Ну, а те не возражают —
Управляйтесь с урожаем!
За машинами машины
Хлеб с полей везут обширных.
В свете фар бежит дорога —
Как ещё работы много!

Водитель

Мимо мелькают густые хлеба,
Чуть не скрывая машину.
Вытер водитель росинки со лба,
Брови белёсые сдвинул.
Ночь напролёт вывозил он зерно —
Трудная это задача.
Он уже думал об отдыхе, но...
В утренней смене шофёр заболел —
Надо себя пересилить.
Снова за руль, и тут ребята спросили:
— Выдержишь? Может, поедет другой?
— Выдержу, я ведь с Урала!
Снова он к току подъехал и встал:
— Эй, нагружайте машину!
Сам же присел — измотался, устал.
Ток муравейником пёстрым кипит,
И солнце пшеницу вокруг золотит,
В смехе девичьем искрится.

Хлебный фонтан из-под веялки бьёт,
Землю зерном заливая.
Девичий хор, как на сцене, поёт,
И бригадир в тон подпевает.
Тут позавидовал парень слегка
Дружной девичьей работе:
— Видно у вас работёнка легка —
Вон как задорно поёт!
Он подошёл и одною рукой
Первый мешок перекинул.
И, за мешком поднимая мешок,
Вымок водитель от пота.
Снова простор необъятно широк,
Снова дорога степная,
Снова навстречу летит ветерок,
Чубом кудрявым играя.
Снова мелькают густые хлеба,
Чуть не скрывая машину.
Вытер водитель росинки со лба,
Песню запел про рябину.

Всего за 20 дней мы дали 40 концертов, передвигаясь по маршруту от пункта к пункту, в основном, на грузовых машинах, которые выделялись нам местной администрацией. Выступали на зернотоках и на машинотракторных станциях, в сельских клубах и на вокзалах, на улицах селений и даже на палубе парохода, на котором мы возвращались в Барнаул из конечного пункта нашего концертного маршрута, из г. Камень-на-Оби.

Нередко после концерта продолжалось народное гуляние, в котором и мы принимали участие. С большим удовольствием плясали и пели не только молодые люди, но и старики, одному из них шёл тогда 101-й год.

Приходилось нам и практическую помочь оказывать сельским труженикам. На нескольких полевых станах до начала концерта довелось на току поработать, зерно на машину грузить лопатами. А потом, почти без передышки, вскоре умывшись, мы снова превращались в артистов. Зато как восторженно принимала нас аудитория!

Заключительный прощальный концерт был в Барнауле, на сцене одного из Домов Культуры. Зал был полон, и успех был полным, аплодисменты долго не смолкали. С той же сцены прозвучали обращённые к нам слова благодарности, высказанные секретарём Кировского райкома комсомола города Барнаула. Он пригласил нас снова приехать в гости на Алтай в будущем году и просил передать горячий привет Уралу и уральцам.

На следующий день мы прощались с Барнаулом. Рано утром, во дворе крайкома был совершен скорбный акт прощания с нашей концертной гитарой. Чего только не выдержала эта гитара! Кроме нещадной эксплуатации по прямому назначению, она использовалась как обеденный стол, как карточный стол, как подушка, как сейф для хранения общественных денег. А всё началось ещё в Свердловске с того, что при упаковке продуктов,

Любынский разделил её на «ги» (гриф) и «тару», и эту тару использовал в качестве контейнера для продуктов питания. Гитару неоднократно чинили, и она продержалась до конца. Но в конце концов она приобрела совершенно нетоварный вид, и после заключительного концерта было решено оставить её на алтайской земле.

Погребение было торжественным. На деке гитары и на мемориальной стеле над надгробным холмиком была начертана эпитафия, которая хорошо различима на фото. Думаю, что бурный поток времени не сохранил это захоронение.

Но вдруг..?

...Гитару неоднократно чинили, и она продержалась до конца

Как была создана песня «Огоньки»

Песня «Огоньки» была написана в конце 1953 года и впервые исполнена в начале 1954 года на новогоднем вечере в актовом зале УПИ. Первым исполнителем песни был лучший по тем временным тенор института Виктор Гнеденко. Потом она часто исполнялась также лучшим баритоном института Игорем Сенченко. С тех пор песня стала жить своей жизнью. А об авторе этой песни стали ходить легенды.

По свидетельству известного уральского поэта, выпускника кафедры архитектуры стройфака УПИ Владимира Блинова, авторство приписывалось то выпускнику металлургического факультета, погившему в Афганистане чуть ли не при штурме дворца Амина, то известному в своё время актёру и культуртрегеру УПИ Давиду Стерну, а то даже живой автор объявлялся, некий бард, спевший «Огоньки» на Грушинском фестивале. Были и другие легенды.

А дело было так. Как-то, в начале зимы 1953 года, во время одного из концертов, ко мне, за ку-

лисы актового зала УПИ, подошёл наш баянист (к сожалению, никак не вспомню его фамилию) и наиграл мне тихонько красивую мелодию песни военных лет. Ни до, ни после, я ни разу не слышал исполнения этой песни. Он предложил мне написать слова, близкие к нашей студенческой жизни.

Идея увлекла меня. Не буду скрывать, что я был тогда влюблён в ведущую наших концертов и актрису наших эстрадных обозрений Розу Сорокину. Когда я начал работать над текстом, во мне переплелись чувства любви к ней, любви к институту, предчувствие близких разлук и ожидание новых встреч. Всё это было крепко заквашено на бьющей через край молодости, на безотчётной и безграничной уверенности в том, что счастье молодости будет вечным, а всё самое прекрасное у нас ещё впереди.

В результате родился текст, в котором поначалу было слишком много личных моментов, да и на мелодию он не везде ложился. У меня в архиве сохранился один из промежуточных вариантов, из которого в окончательный текст вошли только первый куплет и припев. А там ещё были второй и третий куплеты, которые я тогда забраковал. И правильно сделал, как я сейчас понимаю. Да я и не вспомнил бы об этих вариантах, если бы не начал писать это воспоминание по просьбе Евгения Ивановича Казанцева (он был комсомольским воожаком в наши студенческие годы).

2

Неповторимые минуты ...
И вот в руках моих диплом.
Хожу, прощаюсь с институтом
И вспоминаю о былом.
Мы здесь с тобою были всюду,
И мне так хочется сказать,
Что никогда я не забуду,
Как в этих ласковых глазах ...

3

Ну, что ж, прощай, любимый город,
И институт прощай, родной!
Все провожающие в сборе,
И только нет тебя одной.
Но знаю, будем вместе скоро,
Мы по-иному б не смогли.
Мы вспомним наш любимый город,
Мы вспомним вместе, как вдали ...

В течение ряда лет «Огоньки» (в окончательной, конечно, редакции) были очень популярны среди студентов и выпускников УПИ. Да и сейчас её всё ещё поют на встречах многих выпусков разных факультетов нашей alma mater. И лестных отзывов было предостаточно. Особенно тронула меня песня, написанная в 1992 году Германом Гусевым, выпускником радиотехнического факультета (выпуск 1957 года). Я не был знаком с Германом,

а с текстом его песни меня познакомил другой радиотеховец, мой друг Владимир Курбатский. Вот эта песня:

О нас и об «Огоньках»

Пусть судьба забросит нас в Калькутту,
В Африку, иль даже в Соловки,
Но везде друзей по институту
Мы найдём по песне «Огоньки».
Где бы эта песня ни звучала,
Вспомним огоньки Втузгородка,
И как будто всё пройдём сначала,
Снова от звонка и до звонка.
Чтобы песни не забылась, что мы пели,
Огоньки светили ярко, не тускнели,
Очень-очень надо всем нам постараться,
Чтоб с друзьями этих лет нам повстречаться.

Вспомним неудачи и удачи,
Горечь поражений, хмель побед,
И взгрустнём немного, не иначе,
Вспомнив наш любимый факультет.
Годы мчат стремительно всё дальше.
Где вы, нашей юности деньки?
А в глазах друзей, как было раньше,
Озорные пляшут огоньки.

Существует несколько вариантов музыкальной обработки этой песни. По ряду причин мне бы хотелось привести здесь нотную запись песни

«Огоныки» в обработке Рудольфа Шрейнера, выпускника энергофака УПИ, беззаботного «песнелюба.

Огоныки

Музыка неизвестного автора

Musical score for 'Огоныки' featuring lyrics in Russian. The score consists of ten staves of music with corresponding lyrics below each staff. The lyrics describe a scene of a campfire at night, with people gathered around it, singing and dancing.

1
Мне от - по гру - отко от - че - го - то здесь то - по - ли от - ят в цве - ту
5
рео - пра - яя кры - лям дли по - ле - тв род - ной на зе - юя ин - сти - тут
9
13 Зато мы по - би - ма - я бро - дя - ли ход - ря кру - гом са - он цве - ли
17
смо - треть от - ою - да мы по - би - ли как в зе - ту - ма - клю дя - ли
21
о - гоно - юн со - ду - би - е мер - ци - ют
25
о - гоно - ки са - иб - но зе - виль си - ар - ит
29
о - гоно - юн зо - яр - ти - се то - рят
33
и как буд - то бы мне го - во - рят
37
оне - по в путь ! мы те - би про - ви - жи - еи
41
се - ся буди ! маг твой путь до - ве - щи - си
45
о - як сорд - изу ик - ли и близ : 84 49
до - ро - ги - х го ве - доль о - гоно - юн

ПАМЯТИ ДРУГА

Декабрь 2012

18 декабря нашему другу Василию Петровичу Кобякову исполнилось бы 80 лет... ! Как горько сознавать, что он, самый молодой из нас, друзей «уральцев», не дожил до своего славного юбилея четыре месяца.

Все мы учились в Свердловске в Уральском политехническом институте на физико-техническом факультете в период с 1950 по 1956 гг. Оказавшись в Москве или ее окрестностях, мы называем друг друга в шутку «уральцами», хотя каждый из нас прошел свой славный трудовой путь. Теперь мы бережно поддерживаем нашу студенческую дружбу и регулярно встречаемся несколько раз в году, отмечая наши дни рождения вместе.

Неизменным участником наших встреч всегда был Василий Петрович, наш Вася. Сейчас, когда его с нами нет, мы отмечаем его славный юбилей, вспоминая студенческие времена и нашего дорогого друга.

СЕРГЕЙ НОВИКОВ. ЗЕЛЕНОГРАД

Мы с Васей были связаны какой-то невидимой нитью: наши жизненные пути оказались параллельными. Все годы, начиная с первых дней поступления в УПИ в 1950 г., и до сегодняшних дней, т.е. 60 лет (!), мы жили практически рядом, никогда не теряя друг друга.

Наша встреча состоялась в первый день сбора поступивших на 1-й курс физтеха. Вася выделялся из нашей довольно серой массы своей яркостью: синие глаза, модная одежда и прически стиляги, полная уверенность в своей неотразимости... При этом, как потом выяснилось — поэт!

Когда факультет получил собственное замечательное общежитие, где в комнатах жили по двое, по трое, мы поселились втроем: я, Вася и Лева Толстов. Не смотря на то, что мы были очень разные, нас связывало какое-то теплое чувство взаимного интереса. Вася — натура широкая, артистическая, признанный лучшим в институте поэтом, стиляга, любимец девушек. Лева — скромный, даже застенчивый, постоянно краснеющий (тоже стиляга), крайне неуверенный в своих силах и знаниях. И я — комсомольский активист, функционер. Эта взрывчатая смесь сохранила стабильность из года в год — пять лет мы жили вместе и не пытались разъехаться. На-

шей дружбе не мешали небольшие конфликты, возникавшие иногда. Поскольку и Вася, и Лева были стилягами (явление, не очень понятное современной молодежи, но несомненно сыгравшее большую положительную роль в жизни нашего поколения, поскольку было формой стихийного протеста против официальной казенщины) и любили ходить в рестораны, то мне, бывало, приходилось «разбирать» их на заседаниях комсомольского бюро. Они не обижались, так как это входило в правила игры того времени. Я тоже был не прочь побывать в ресторане, выпить крепко на вечеринках, которые мы устраивали то с медичками, то с экономистками, потанцевать до утра. Однако, это не мешало мне распекать моих друзей на заседаниях комсомольского бюро факультета. Это была, несомненно, двойная мораль, но она была узаконена. Ведь мы хорошо знали, что все студенты бывают в ресторанах, пьют на вечеринках, даже самые-самые, заседающие в бюро и комитетах. Например, было доподлинно известно, что некоторым «крупным» активистам давалось «поручение» (и, возможно, средства) сидеть в наиболее популярных ресторанах и фиксировать свои.

Таким было начало нашей дружбы. С тех пор прошла целая жизнь. Мы оба работали в научных коллективах, знали о достижениях и трудностях каждого. Васю отличал мощный напор в достиже-

нии поставленной цели. Он получил все степени и звания, но не потерял увлеченности истинного исследователя. Так обидно, что он не успел довести до практического осуществления свою важную идею восстановления производительности использованных нефтяных скважин...! Он жил этой идеей, исколесил мир, предлагая ее людям.

Однако главной и неизменной его любовью были горы! Без них он не мог жить, там же он встретил и свою любовь — Медею, с которой создал прекрасную семью. В горах ему пришлось и расстаться с жизнью. Вася был очень цельным человеком, его жизнь была достойна и прекрасна.

БОРИС ХОРОШИЛОВ. МОСКВА

При поступлении в Уральский политехнический институт в большой компании абитуриентов все казались одинаковыми — цель одна, радости и огорчения похожие. Но когда началась учеба, появилась возможность проявить интерес не только к ней, но и ко всему тому, что сейчас называется обобщающим словом «хобби». И в это время стала заметна индивидуальность каждого студента. Благо, что для проявления своих талантов в институте была большая возможность в виде различных кружков и секций.

Для проведения в городе и ближайших сельских районах во время различных праздников и концертов в институте создавались агит- и культи brigады. В одной из них мы оказались вместе с Васей Кобяковым.

Как он сам признавался, интерес к поэзии у него появился давно. Стихи он начал писать уже в старших классах школы. И продолжил это в институте, что не могло остаться незамеченным. Поэта включили в brigаду, где он стал читать свои стихи. Кроме того, на его стихи начали коллективно сочинять мелодии и петь хором или соло.

Так, при поездке brigады в 1954 г. На уборку урожая на алтайской целине, им была сочинена песня:

Зреет на полях широких
Небывалый урожай,
Пролегли пути-дороги
Через золотой Алтай.
· · · · · · · · · · · ·

Здравствуй, солнечный Алтай,
Новый урожайный край!
От друзей-уральцев принимай
Радостный привет Алтай!

Эта и многие другие песни исполнялись под гитару, участь которой оказалась печальной. От

долгой эксплуатации по прямому и вспомогательному назначениям она приобрела совершенно нетоварный вид и была торжественно захоронена в Барнауле во дворе краикома комсомола.

Слушая выступления Васи, мне казалось — как это просто для него сочинять стихи. Сумей только найти верные рифму и размер — и стих готов. Как-то перед очередным концертом я попросил его прочитать новое стихотворение: ну что тебе стоит сочинить что-нибудь свеженькое, целый день впереди. В ответ услышал — ты сформулируй кратко тему. Вот это меня и озадачило: ну как это сказать — о чем должно быть стихотворение? И тогда мне стало понятно, как непросто рождались Васины стихи, а тем более стихотворение «Огоньки», которое стало песней, гимном факультета, а потом и института с такими, казалось бы, простыми, задушевными словами.

После института стихи Вася писал всегда. Печатался в периодических изданиях, сборниках. В 2002 г. Вышла первая книга «Стихи и песни разных лет», в 2006 г. — книга «Вертикальный мир. Стихи и песни о горах. Путевые заметки», в 2009 г. — книга «Ты гори моя свечечка». Он был участником фестивалей авторской песни, дипломантом фестиваля «На Соловецких островах». Много стихов осталось неизданных в авторском столе, на руках у друзей, которым он их посвятил.

ЛИДИЯ ПУШКИНА. ДОЛГОПРУДНЫЙ

О таких как он, писать и легко, и трудно. Легко потому, что он — ровесник, весь с юных лет такой родной и понятный, а трудно — потому что прошло много лет со времен нашей юности. Разметала всех однокурсников судьба по огромной стране.

Наш родной Уральский физтех не дает нам забыть друг о друге, устраивая каждую пятилетку по весне традиционную встречу. Юношеская дружба трансформируется в зрелое научное или просто человеческое содружество, которого во второй половине жизни нам катастрофически не хватает... Так приятно встречаться по разным поводам (в том числе — и очень взрослым юбилеям). От того — безумная боль за каждую неожиданную преждевременную невозвратимую утрату... Нынче не стало Васи Кобякова... С 1949 года, года поступления на физтех УПИ, Вася Кобяков выделялся как яркая индивидуальность не только в своем физтеховском окружении.

Его заметила сразу и редакция институтской многотиражки «За индустриальные кадры», и организаторы смотров самодеятельности, не говоря уже об окружении студентов, оценивших его стих и полюбивших песни на них. Стихотворный талант Вася наследовал от мамы — со школьных лет. В УПИ он быстро стал членом ЛИТО, всегда привлекался к участию в создании обозрений и

капустников. Без его стихов не мыслилась деятельность агитбригад. В первый же год освоения целины он в составе агитбригады УПИ искалесил поля Алтая. Его «Огоньки» стали гимном родного УПИ все последние пятьдесят лет... Он почетный выпускник — один из тех, кто стал гордостью Уральского физтеха, который и теперь распевает Васину песню:

Мы снова здесь веселою гурьбой
У полстолетней факультетской вехи
Ведь мы с тобой, ведь мы с тобой
Ведь мы с тобой — Уральские физтехи.
Нам нет покоя, только вечный бой
И рано нам снимать свои доспехи
Ведь мы с тобой, ведь мы с тобой
Ведь мы с тобой — Уральские Физтехи.

Май 1999

ВЛАДИМИР ЖДАНОВ. ПОДОЛЬСК

Наш незабвенный друг Вася Кобяков был, несомненно, очень цельной и одаренной личностью. Если попытаться определить главные приоритеты в его жизни, то это наука, семья, поэтическое творчество и горы (альпинизм). Наверное, надо добавить к этому еще общение с друзьями, которых он очень ценил и любил, как и они — его.

Не знаю даже, в каком порядке расставить эти приоритеты, все они занимали очень важное место в его жизни.

Как и все мы, его ближайшие друзья, после окончания физико-технического факультета УПИ он приехал по распределению на работу в закрытый город — Свердловск-44 (ныне Новоуральск). Я считаю, что ему крупно повезло в самом начале его научного поприща — он начал работу в лаборатории, которой руководил незаурядный человек и крупный ученый физико-химик — Всеволод Александрович Каржавин. Он и стал его первым учителем, надолго определившим характер его научных исследований. После девяти лет работы на Уральском электро-химическом комбинате Василий перевелся вслед за своим учителем в Сухумский Физико-технический институт. Как рассказывал мне сам Вася, не все было просто в их взаимоотношениях: шеф был иногда несдержан и обидчив. Но это не помешало именно Васе взять на себя весь груз ответственности за подготовку и издание книги воспоминаний об учителе после его ухода из жизни. Прекрасно оформленная, с замечательными фотоработами шефа, который увлекался горным туризмом и фотографией, книга вышла с большим предисловием Василия Кобякова в серии «Творцы ядерного века».

Вася был очень семейным человеком. Любовь к жене Медико и детям видна во многих посвященных им стихах. В последние годы своей

жизни он наслаждался общением с маленькой внучкой. Вася нежно относился и к детям своих друзей. Вспоминаю, как в один из приездов его к нам на подмосковную дачу, мы пошли в ближайший лес за грибами. Грибов было мало, а кусты земляники встречались. Мы и не заметили, как наша четырехлетняя Настя оказалась верхом на плечах у дяди Васи и с высоты громко сообщала о завиденных ею красных ягодках. Дядя Вася покорно нагибался, срывал веточки земляники и отправлял ягоды прямо в рот своей наезднице.

Особо хочется сказать об отношениях Васи с поэзией. Он рано начал писать стихи, от институтских лет у всех в памяти остались легендарные «Огоньки», которые стали неофициальным гимном УПИ. В последние годы поэтическое дарование его окрепло, он выпустил несколько сборников стихов, стал членом Союза писателей. Он очень любил проверять действие своих стихов на друзьях во время наших общих встреч — это давало ему новый прилив энергии. Я часто спрашивал его, когда при нашей текущей занятости он находит время для создания стихов. «Нередко — по ночам» — отвечал он.

Последние его стихи — пронзительны. Он как будто предчувствовал свой уход. Уже после его смерти, перебирая свои бумаги, я нашел подаренное им около полугода назад стихотворение «Взгляд извне». Я приведу здесь только начальные и конечные строфы этого стихотворения.

Свет мигнул и погас. Вот так штука! Ни звука, ни боли,
Никаких ощущений, ни чувств в этом странном приколе.
То ли это Земля от меня — земляка — улетает,
То ли сам я лечу, и навстречу мне бездна пустая.
Я лечу в пустоте, будто вправду меж раем и адом.
Ни туда, ни сюда мне, по чести признаться, не надо.
Я лечу и кричу, но в ответ — не дает мне ответа
Улетевшая в дальнюю даль голубая планета.

И мерцает, мерцает информационное поле
Сетью ямок локальных в космическом мегабейсболе.
Пропадают миры и рождаются снова и снова,
Ну а поле живёт — это памяти нашей основы.
Значит, я буду жить в этой памяти вечно, доколе
Будет крайне бескрайним информационное поле.
Значит, кто-то когда-то найдёт файлы памяти эти.
Значит, жили не зря мы на нашей прекрасной планете.

ВЛАДИМИР КУРБАТСКИЙ. ХИМКИ

С Василием Кобяковым судьба свела меня в 1953 году, когда он — студент-физтеховец активно творил для эстрады родного УПИ. Все, что тогда представлялось на главной сцене института в форме эстрадно-сатирических обозрений, особо любимых студенчеством и профессурой, и отдельных концертах на разных площадках, варилось с его непременным участием, замешивалось на

его прозе, стихах и... одной пока песне, но какой! «Огоньки» с 1953 года стали фактически гимном УПИ, эту песню знают и поют до сих пор разные поколения бывших и нынешних студентов.

Вспоминается поездка концертной бригады УПИ с участием Василия на алтайские целинные земли в 1954 году. Концерты, а их было сорок за двадцать дней, проходили в степи при свете фар автомобилей и тракторов, в сельских клубах и на палубе парохода.

Институт окончен, наши дороги разошлись, студенческое прошлое кажется ярким приятным сном. И вдруг в начале семидесятых — неожиданная встреча с Василием в номере Московской гостиницы «Россия», предопределившая нашу близкую дружбу на многие годы вперед. Он много пишет, издает сборники стихов, сочиняет песни и начинает исполнять их под мой аккомпанемент. Мы регулярно встречаемся, репетируем, обсуждаем аранжировки песен, готовим их к выступлениям.

В августе 2008 года Василий принял приглашение В.Вихорева принять участие в фестивале авторской песни на Соловках и стал его лауреатом: его песня «Соловецкая погода» сочиненная буквально в считанные часы ночью в палатке перед конкурсным концертом, была признана лучшей.

Неосуществленным осталось наше с ним намерение побывать в будущем году в родном УПИ

со специально подготовленной программой — мы успели только сделать пробные записи песен, выпуск полноценного диска запланировали на декабрь, ко дню рождения.

В его стихотворении «Ты помнишь, Володя», посвященном мне, есть такие строчки — «давай мы разделим по братски, что в сердце твоем и моем...», а в другом, обращенном к потомкам — «и когда меня не будет, насовсем меня не будет, все равно я буду совестью твоей».

Василий не может уйти насовсем. Он будет всегда со мной, с нами — с теми, кто его любил и продолжает любить.

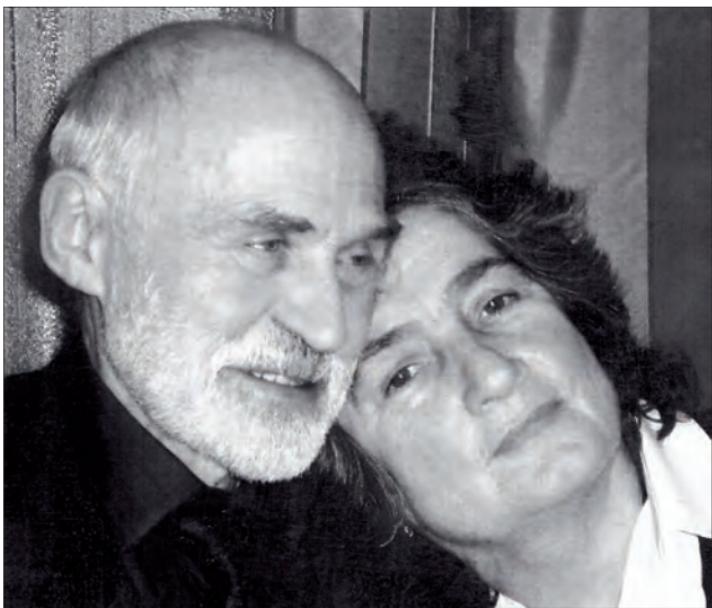
НИТОЧКА-ВЕРЁВОЧКА

Дней твоих метели мимо пролетели,
Вдалеке от страны родной.
Мы с тобою вместе, как поётся в песне,
Связаны верёвочкой одной.

Я в конце маршрута, под ногами — круто.
Нет вопроса — жить или не жить.
Высоко над нами кто-то сбросил камень.
Ты меня, верёвочка, держи!

Только бесполезно в этот миг над бездной,
Пой за упокой, моя душа.
От вершины скальной миг — полет нормальный.
Тяжела ты жизнь, но хороша!

Связан был с тобою ниточкой-судьбою,
Камнем перешлило эту нить.
Только со слезами,
С мокрыми глазами
Не должна меня ты хоронить.

Прадед Петр Степанович Кобяков (1827-1872)

Дед и бабушка (Виктор и Маруся) Потеряевы
с мамой. 1912

Дед Василий
Петрович Кобяков
и бабушка Ольга
Александровна
Ситникова.
1905

Большая семья Кобяковых: дед, бабушка, отец, тёти, дяди...
1928-1930

С бабушкой Олей. 1938

С мамой. 1933

С мамой и с братом
Володей Дидевичем.
1948

Вася и Лена, первая школьная любовь. 1950

Выпуск школы №9. Нижний Тагил. 1950

Студенты Вася и Сережа (Новиков). Свердловск. 1952

2-й курс УПИ. 1952

На сцене УПИ. Рядом слева студенческая любовь Роза С. 1953

Красноярские Столбы.
1953

4-й курс УПИ. 1954

Свердловск-44

С дочерью Олей. 1959

Коррозионная лаборатория №4. В центре начальник — В. А. Каржавин.
Третий слева — В. Кобяков. 1965

Художественная самодеятельность: группа «Сингапур». 1965

С учителем – В. А. Каржавиным.
Агудзера, 1969

Нина Викторовна Потеряева
(мать). 1970

Петр Васильевич Кобяков
(отец). 1974

С братьями – Юрием и Владимиром Дидевичами.
Агудзера, 1975

На пике Ленина.
Слева — В. Мельник. 1979

Кавказ, 1974

Перед восхождением на пик Коммунизма.
Крайний слева В. Кобяков.
1982

Василий и Медико.
1977

С детьми Русико и Петей. Агудзера 1982

Какими были молодыми...
Сухуми, 1986

После парада.
Сухуми, 1985

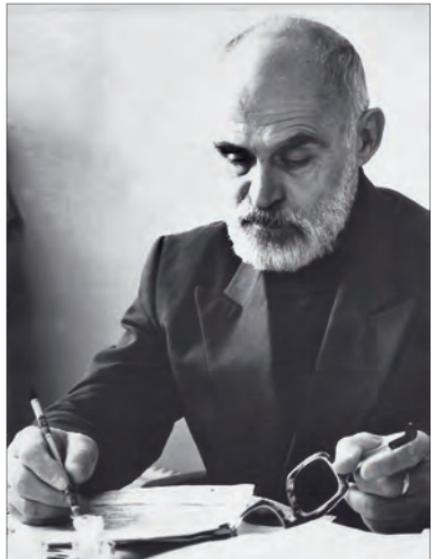
С дочерью Русудан.
1996

Семейный портрет с котом Васькой... Черноголовка, 1998

На 50-летии физтеха УПИ. Май 1999

Черноголовка. 2000

70-летний юбилей. Черноголовка, 2002

С любимым сыном Петей. Черноголовка, 2002

На персональной
выставке
А. Семенцова.
2004

В подвалчике «My-My». Май 2005

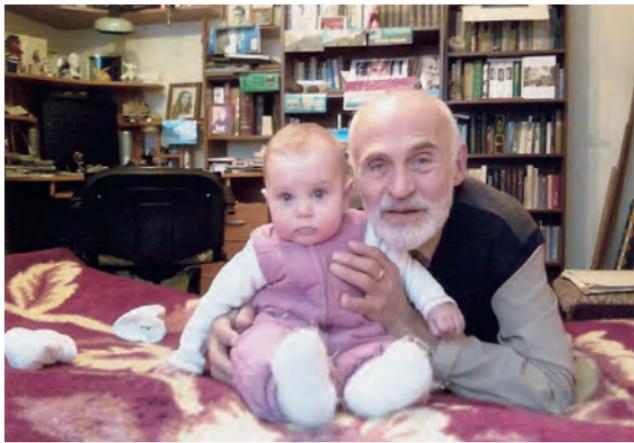

В садике перед УПИ – 60-летие физтеха. Май 2009

2005. 06

Встреча «удральцев» на даче у В. Жданова. 2005

С внучкой Мери. 2011

Дома с графином
«Кобяковки».
2008

Вперёд и вверх. Кавказ 2011

С Володей Курбатским...
И в жизни и в творчестве вместе. 2012

Последний Новый год

